

**АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ**

НА КОРАБЛЕ УТРО

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Завтра война

Александр Зорич

На корабле утро

«Автор»

2008

Зорич А.

На корабле утро / А. Зорич — «Автор», 2008 — (Завтра война)

ISBN 978-5-17-050767-2

И вновь Россия 27 века – могучая космическая сверхдержава, ведущая победоносные войны... Только что капитулировал главный враг России – государство Конкордия. Но вот уже вновь сгущаются тучи, и армады инопланетных агрессоров подступают к границам... А это значит, что капитану войск особого назначения Льву Степашину и бывалому звездному волку Главдальразведки Владимиру Комлеву вновь придется рисковать жизнями ради победы. Долгожданная книга автора многочисленных бестселлеров Александра Зорича продолжит увлекательное путешествие читателя по циклу «Завтра война» – одной из ярчайших военно-космических вселенных современной фантастики.

ISBN 978-5-17-050767-2

© Зорич А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	43
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Пролог

16 августа 2622 г.

Софрино, Подмосковье

Планета Земля, Солнечная система

С вой обеденный перерыв Комлев решил провести наверху, в парке.

Там было свежо и покойно. По черным лапам елей носились выцветшие за лето белки. В пруду, на зеркальной глади которого вяло кружили первые желтые листья, играли декоративные муромские щуки. О Бункере, с его мертвенной кондиционированной атмосферой и круглогодичным плюсом двадцать четыре, не хотелось даже вспоминать. Комлев посмотрел на часы. Он мог себе позволить не вспоминать о Бункере еще сорок семь минут двадцать секунд.

Комлев смахнул с лавочки хвойный мусор и с удовольствием уселся. Вокруг не было ни души. Не считая двух флотских офицеров, которые шли к Бункеру со стороны КПП. Но эти не считаются. С виду явно приезжие, до парка с его ландшафтными изысками в Екатерининском духе им дела нет, а до Комлева дела нет и подавно.

Он извлек из пакета и положил на лавочку рядом с собой завернутый в фольгу бутерброд с ветчиной, вынул крепкое, вызывающе зеленое яблоко. Несколько секунд он любовался натюрмортом. И решительно взялся на бутерброд.

Бутерброд был съеден. Комлев задумчиво полировал яблоко салфеткой с вездесущим в Бункере двуглавым орлом, когда из-за кустов боярышника внезапно показались... те самые флотские офицеры.

– Капитан второго ранга Комлев? Владимир Миронович? – осведомился тот, что был постарше и возрастом, и званием.

– Да.

– Извините, что отрываем... И кстати, приятного аппетита.

– Благодарю, – сказал Комлев, вставая. Скамейка чуть спружинила, осиротевшее яблоко увесисто шмякнулось на землю. На изумленных глазах Комлева второй офицер, помоложе, проворно подобрал его, энергично потер о брючину и протянул ему. Старший снисходительно покосился на своего спутника и невозмутимо продолжил:

– Мы, как и вы, Владимир Миронович, работаем в Генштабе. Правда, не здесь. Чуть подальше. Сейчас мы имеем одну нештатную ситуацию. С ней надо что-то делать. – Он нервно улыбнулся. – И начальство решило, что вы могли бы здорово помочь.

– Весьма польщен, – холодно сказал Комлев. – Хотелось бы только узнать, с каким из многочисленных отделов Генштаба я имею честь беседовать?

– Отдел «Периэксон».

– Слово необычное... Греческое, что ли? – рассеянно произнес Комлев.

– Древнегреческое, – с готовностью пояснил молодой. – Означает окружающее нас беспредельное начало.

– «Нас» – это кого?

– У греческого философа Анаксимандра понимался весь мир. Но мы смотрим на вещи конкретней: беспредельное начало окружает людей. Точнее, русских людей.

– Отлично. – Комлев кивнул.

– Ничего особенно отличного, – мрачно заметил старший. – Потому что как раз сейчас это первоначально стремится нас поглотить. Попросту говоря, уничтожить.

– И что, есть методы бороться с этим военными средствами? – спросил Комлев.

– Начальство говорит, методы надо искать.

Часть 1

92-я отдельная

Глава 1

Штурм фрегата «Гита»

12 августа 2622 г.

Фрегат «Гита»

Орбита планетоида Фраский-Лёд, система Посейдония

Четыре «Кирасира» – четыре взвода. Идем строем фронта, дистанция до цели – пятнадцать.

Нас должна прикрывать эскадрилья Румянцева. Но, как докладывает командир звена «Кирасиров» Введенский, их связали боем «Варэгны».

Вот и получается: когда навстречу выходят несколько клонских торпедоносцев, рассчитывать приходится только на маневренность наших машин.

Торпедоносцы бьют лазерами, «Кирасиры» огрызаются, эфир забит досадливым ворчанием напополам с легким матерком.

Из моего «Кирасира» вырван кусок обшивки возле правого маршевого. Но это, в сущности, ерунда. Куда хуже пришлось борту один-семь, на котором летят ребята Валеры Арбузова – взвод тяжелого оружия. У них полетел контур абляционного охлаждения реактора. Если мощность не снизить, все двадцать четыре человека превратятся в жаркое: мясо напополам с железом.

Поскольку в этом вылете ротой команду я, Лев Степашин, осмыслять чужие проблемы тоже приходится мне.

– Здесь Арбузов. Вызываю «Носорога». Из-за полученных повреждений не сможем быть на месте по графику. Дело дрянь.

– Здесь «Носорог». Честно говоря, Валера, ты со своими царь-пушками мне на объекте нужен как зайцу веник. Поэтому даю разрешение глушить реактор. Полностью глушить. И вызывать спасателей. Как принял?

– Принял нормально. Но не факт, что это поможет.

– Отставить пораженческие настроения. Конец сеанса.

Разговор мы закончили очень вовремя. Уклоняясь от повторной атаки «Фраваши», пилот моего «Кирасира», опытный Боря Мамин, ввинчивается в вакуум по расходящейся спирали. У меня – да и у всех – желудок прилипает к кадыку, а язык растекается по небу. Хочется кричать. Но я молчу. Ибо командир.

Удивительно, но Мамин умудряется при этом еще и комментировать происходящее.

– Три «Фраваши» на хвосте... Вижу, идет Румянцев... Красиво идет... Пижонит!.. Отработали «Оводами»... Все его орлы...

Перегрузки снижаются. Мамин плавно выводит «Кирасир» на предстыковочную траекторию. Говорить ему сразу становится легче, и он заливается соловьем:

– Ай да Румянцев! Ай да сокол занебесья! Всех клонов – в клювья! Что значит ветеран! В общем, Лева, будешь свидетелем. Если я сегодня вечером Румянцеву пивом не проставлюсь, считай меня последней сволочью.

Вообще-то честным ответом Мамину было бы: «До вечера с твоим пивом еще дожить надо». Но честным – не значит правильным. А командир обязан давать только правильные ответы. Поэтому я сказал:

– Заметано, Боря. Так что там у нас все-таки со стыковкой?

– Расчетно будем у борта под верхним торпедным аппаратом через три сорок. То есть почти по графику.

– Морально удовлетворен, – буркнул я.

И действительно, ровно через три минуты сорок четыре секунды наш «Кирасир» притерся брюхом к выдавшей виды обшивке фрегата «Гита». Сработали комбинированные захваты-присоски, из днища «Кирасира» выдвинулся нестандартный стыковочный шлюз. В осназе его называют «штурмовым тубусом».

Мои циклопы подобрались. Я кожей почувствовал, как в десантном отсеке сгущается напряжение. Никто не шутил. Не зубоскалил. Не такой сейчас момент. Все ждали слова отца-командира. То есть моего.

Я прочистил горло. Выдержал паузу, как это всегда делал комроты капитан Плахов. И изрек:

– Ну вот что. Поскольку экипаж фрегата заявил о капитуляции, формально наша задача проста до омерзения. Мы берем под контроль все боевые посты корабля, разоружаем экипаж, заключаем его под стражу. Затем с нами стыкуется фрегат «Неустрасимый» и буксирует на орбиту Тэрты. Однако, простите за банальность, на самом деле все не так, как кажется. Клон – и это вы знаете по опыту недавней войны – существо ветреное, импульсивное, вплоть до истеричности. Мораль из этого простая: на борту «Гиты» нас может ждать что угодно. Не исключено, кто-то из клонов передумал сдаваться. А кто-то передумает в процессе... В общем, никому не верим и не расслабляемся. А теперь повторим схему действия штурмовых групп. Начнем, пожалуй, с Репейчика.

– Проходим через кают-компанию... Выходим в коридор... Это – левый сквозной проход главной палубы. Движемся в нос до ближайшего вертикального ствола. Опускаемся вниз на две палубы. Помещение справа будет запасным командным пунктом ПКО корабля. Берем там всех тепленькими, докладываем, отдыхаем.

Свиньин, записной балагур и пошляк, конечно, не удержался от комментария:

– Извините, что перебиваю, но я хотел напомнить сержанту Репейчику, что по принятым нормам у клонов на боевых постах ПКО сорок процентов личного состава – женщины. Надо, в общем, чтобы Репейчик поосторожней там отдыхал. А то красотки больно роковые. Не успел оглянуться – и уже женат. Да притом на пехлеване!

Кое-кто из циклопов захихикал.

Но мне было не до хиханек. Я обвел коллектив суровым командирским взглядом и изрек:

– Кстати, Свиньин, к вопросу об осторожности. Даю вводную: ты проник в ракетный погреб клонского фрегата. Перед тобой – стеллаж с ракетами «Рури». Рядом с ракетами клонский офицер в звании капитан-лейтенанта. У него в руке граната «Сфах-5» на предбоевом взводе. Твои действия?

Свиньин скроил обиженную рожу и проворчал:

– Ну во-от... Один раз пошутить – и сразу тебя как двоечника у доски допрашивают... Отвечаю. Если я увижу клона с гранатой «Сфах-5» в ракетном арсенале, первым делом я подниму руки вверх... А вторым начну убеждать его в том, что клоны и русские – братья навек. «Дружба-мир – вот твой сувенир!» В таком, короче, духе. – Поглядев на вытянувшиеся рожи боевых товарищей, невозмутимый Свиньин, однако, продолжал: – Но это шутка была. На самом деле, если не приведи Господь случится такое, я первым делом дам знак Петросову. И Петросов в клона быстро и метко выстрелит из своей снайперки. Если же рядом не будет

Петросова – выстрелю сам. И это будет зело мудро. Поскольку на предбоевом взводе граната «Сфах-5» не взрывается, а значит, опасности не представляет.

– Считай, убедил, – улыбнулся я. – Теперь солирует Ким. Просим.

– Мы, как и все, – начал Ким, – проходим через кают-компанию и попадаем во все тот же левый сквозной проход главной палубы. Но дальше у нас поинтересней, чем у Репейчика. Поворачиваем по проходу налево, движемся в нос корабля. Через тридцать метров по правой перегородке будет боевая часть четыре – контроля тактической обстановки, стало быть. Я беру ее под свое сизое крыло, оставляю трех бойцов. Сам с плазмометчиком продолжаю движение в нос, при необходимости вскрываю плазмой герметичную дверь во второй переборке. Далее продолжаю движение до носового отсека, где и останавливаюсь по достижении панорамы посадочного обзора. Как вы, Лев Иванович, выражаетесь, «легко и безвольно».

После Кима докладывали Терентьев, Пешин и Водопьянов. Мысленно я проследовал с ними в реакторный отсек, в третий трюм и в ракетный погреб. Тем временем резакі штурмового тубуса уже разделались с толстой шкурой фрегата, а внешний накатник плотно загерметизировал зону внедрения.

– Штурмовать подано! – раздался басок Мамина у меня в наушниках.

И понеслось.

Жестоко ошибается тот, кто считает, что, очутившись на борту выбросившего белый флаг вражеского корабля, он будет встречен оркестром и алым бархатом ковровых дорожек.

Белый флаг просто так не выбрасывают. Ему обычно предшествуют тяжелые либо очень тяжелые боевые повреждения.

На борту «Гиты» царили невесомость и хаос. Отчего казалось, что ты нырнул в канализацию.

В медленном водовороте, словно чайники в стакане чая, кружили тысячи пузырьков жидкости, предметы интерьера, личные вещи экипажа, продовольствие и даже несколько крупных разводных ключей.

Младлей Щедролов выхватил из воздуха рулон туалетной бумаги. Но от сортирной шутки удержался. За это я Щедролова люблю. Вот Свинын – тот ни за что не промолчал бы.

Включив пропульсивные ранцы, мы проплыли через темную кают-компанию, влились в пресловутый левый сквозной проход главной палубы и, ориентируясь на доклады группы Кима, двинулись в нос корабля.

Первых клонов мы встретили совсем скоро – в кубрике № 8. Дверь в помещение была полуоткрыта. В просвете виднелись четыре понурых фигуры, сидящих рядком на одной, тщательно застеленной синим одеялом койке.

Над ними возвышалась непропорционально широкоплечая в штурмовом скафандре «Валдай» фигура старшины Букова. При моем появлении Буков обрадованно осклабился (я, конечно, не увидел этого из-за сплошной бронемаски шлема, но услышал в его интонациях) и доложил:

– Товарищ капитан! Перед вами вторая смена боевого расчета ЗРК «Рури» в полном составе. Офицер... офицер... – Буков замешкался, обернулся к клонам, словно ища подсказки.

– Амар моя фамилия, – тихо сказал сидящий на койке худощавый человек.

– Да. Офицер Амар поручился за благонадежность своего расчета. Дал слово пехлевана. Так вот я спросить хочу... Зачем их охранять, если пехлеван слово дал? Может, просто запрем их здесь, а я с вами дальше пойду, Кима догонять... Разрешаете?

Я мгновенно взвесил «за» и «против». Особых оснований не доверять честному слову пехлевана Амара у меня не имелось. Но настроение в тот день у меня было из рук вон плохим.

Я ответил Букову:

– Не разрешаю. Оставайтесь при них, будьте все время на связи.

(Я с Буровым на «ты», но в официальной обстановке перехожу со многими подчиненными на «вы» – как и большинство других офицеров.)

Оставив Бурова скучать в обществе собратьев по Великорасе, мы двинулись дальше по лениво мерцающему аварийкой коридору.

Ким предупреждал, что внутренности третьего отсека почти полностью уничтожены. Хотя наши штурмовики имели приказ атаковать орбитальные двигатели фрегата, кто-то из молодых пилотов сгоряча вlepил две ракеты метров на триста левее.

Последствия это имело самые плачевные. За поразительно хорошо сохранившимся шлюзовым перепускником герметичной переборки простиралось глубокое ущелье техногенного происхождения.

Легкие переборки были в труху раскрошены взрывами. Торосами вспучились четыре палубы вплоть до трюма. Дальняя герметичная переборка выгнулась, словно купол адского цирка. Ко всему сквозь дыры в левом борту можно было видеть звезды. И даже красавицу Посейдонию – местное солнце.

– «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», – пробормотал образованный Щедролосев.

– Ну это-то все знают... А дальше? Могу поспорить, дальше не помнишь! – отозвался гранатометчик Крушков.

– А на что поспоришь? – вкрадчиво поинтересовался Щедролосев.

– Ну на что... Да хоть бы и на клонский офицерский кортик!

– А он у тебя есть – кортик?

– Пока нет. Но ты ведь все равно дальше не знаешь. Так что какая разница!

– То есть спорим?

– Да.

– «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые! Его призвали всеблагие как собеседника на пир. Он их высоких зрелищ зритель, он в их совет допущен был. И заживо, как небожитель, из чаши их бессмертье пил!» – красиво, победительно продекламировал Щедролосев.

В наушниках слышалось озадаченное сопение сразу четырех человек (мое в том числе).

Но отчаяннее всех сопел Крушков.

– Ни фига себе... – только и смог промолвить он.

Всем было ясно, что теперь кортиком Крушкову придется где-то разжиться. Ведь спор есть спор.

Завершив этот высокоученый литературный диспут, делавший честь родному осназу, мы пересекли при помощи пропульсивных движков разрушенный отсек и сгруппировались перед следующим шлюзовым перепускником.

Это было грубой ошибкой. И ошибка эта была всецело на моей совести. Учил всех, учил... Мол, не расслабляться... А сам Тютчевым заслушался...

По нам ударили в пять стволов откуда-то снизу, из хитросплетения перекрученных труб на трюмной палубе.

Вскрикнул раненый сержант Помелица.

Остервенело выругался Крушков.

Мой «Валдай» зацепило где-то в районе локтя и сразу же развернуло на сто восемьдесят градусов.

– Осветительными вниз! – заорал я.

Я резко включил движок и рванул вверх.

То же поспешили проделать и Щедролосев, и Крушков, и Деркач. С той лишь разницей, что каждый из них выбрал свое направление движения.

Итак, группа рассредоточилась, затрудняя задачу вражеским стрелкам. И только раненый Помелица замешкался. Но тут я уже поделаться ничего не мог. Не до того было.

Внизу разорвались осветительные гранаты, посланные виртуозом своего дела Крушковым.

Впрочем, и без них датчики наших скафандров запеленговали противника, а парсер выдал точное целеуказание. Стреляй и радуйся. Все мы начали радоваться почти одновременно.

Попали, не попали – сказать было трудно. Но наши оппоненты на трюмной палубе взяли паузу.

– Саша и Маша шумели на крыше. После двух выстрелов стало потише, – проскрипел Крушков.

Это была его любимая прибаутка.

Мы слышали ее десятки раз. И всё равно улыбнулись.

– Теперь «баклажаны» – и сразу вниз! – приказал я.

«Баклажанами» мы называли портативные одноразовые гранатометы ПОГ-40. Сходство в форме и цвете было налицо.

Решение мое было на грани приемлемого. Ведь осколки «баклажанов» уверенно накрывали не только нападающих, но и нас самих из расчета две дюжины на квадратный метр. И все-таки других вариантов я не видел. Нам требовалось убраться с открытого места, где мы представляли собой чересчур легкие мишени, а прикрыть свой тактический маневр мы могли только при помощи карманной артиллерии...

Всем нам действительно досталось осколками. Но «Валдаи» выдержали.

Мы уложили двоих, но уцелевшие оправились быстрее, чем мне хотелось бы. Мы не успели окончить маневр, когда на нас снова посыпались пули из кургузых клонских пистолетов-пулеметов «Куадж» – к счастью, ничего мощнее у этих корабельных крыс не сыскалось.

Мы тоже не остались в долгу. Если бы дело происходило на планете с нормальной атмосферой, всё вокруг наверняка загудело бы от рикошетов. Но здесь лишь густые снопы искр свидетельствовали о том, что эффективность нашей стрельбы близка к нулю.

Вообще, что делать дальше, оказавшись в этой чащобе искореженного металла, я не понимал.

Схоронившись за сплюсненной стальной емкостью неясного назначения, чтобы сменить опустевший магазин своего «Нарвала», я впервые за операцию пожалел, что сегодня именно мне, а не капитану Плахову, как всегда ранее, пришлось вести циклопов нашей роты в бой. Уж Плахов бы точно сообразил, как выковырять клонов из ледяных сумерек трюма.

Один Бог знает, чем бы всё кончилось, но эти самые ледяные сумерки вдруг озарились чередой охряных и карминовых вспышек. Вслед за чем над нашими головами пролетели искалеченный пистолет-пулемет, чья-то нижняя конечность и три ведра вездесущего технического мусора – нарубленные крупнокалиберными пулями в вермишель обрывки тонкого кабеля, блестящие обрывки термоизоляции, рой пластиковых уголков и крепежей...

– Говорит Арбузов! Говорит Арбузов! Назовите себя, если вы меня слышите!

– Валера, твою мать! Здесь Степашин. Слышу чисто. Ты где?

Сказать по совести, я был на триста процентов уверен, что Арбузов преспокойно ожидает спасателей на борту своего поврежденного «Кирасира». И что на связь он вышел лишь благодаря тому, что одна-две особо юркие радиоволны проскочили в пробоины по левому борту фрегата.

– Что значит «где»? Я Щедролосева вижу, он как таракан за вздыбленным палубным настилом затаился. А теперь и Крушкова вижу... А тебя не вижу.

– Ты что, здесь? – Моему удивлению и впрямь не было пределов.

– Да здесь, здесь. Мои ребята, значит, клонов вычистили, а ты, герой, даже не заметил!

Я расхохотался. Есть такой хохот – нервный.

В эфире начали появляться и мои циклопы.

– Жив-здоров боец Крушков!

– Ранен. Но не очень серьезно. Вколол блокаду. До конца операции дотяну, – отрапортовал Помелица.

У меня камень упал с души.

– Жизнь прекрасна! – отозвался закоренелый оптимист Щедролосев.

И только Деркач отмалчивался. В последний раз он попадал в фокус моего внимания в самом начале перестрелки. Потом вроде бы тоже где-то мелькал. Но в этом я уже не был уверен.

– Семен, ты что там притих? – спросил я и, не дождавшись ответа, поинтересовался у циклопов: – Эй, ребята, Деркача никто не видит?

– Да вроде нет.

– Там, возле двери он сидел. Я подумал, ранец у него забарахлил.

– А слабо слетать проверить? Крушков, к тебе в первую очередь относится.

Через минуту Крушков вновь вышел на связь.

По его тяжелому дыханию я в ту же секунду понял: дело швах.

– Тут... В общем... Царствие небесное, вечный покой.

– Да брось ты, Василек, – с нервной ленцой в голосе сказал Помелица.

– Чего бросать-то... Семена больше нет... с нами.

– Что именно случилось? Может, пусть лучше доктор разбирается?

– Да не надо доктора... – глухо произнес Крушков. – Все и без доктора ясно. В нем больше двадцати дырок навертели. Странно, конечно... Эти клонские пукалки не должны были...

В наш печальный разговор вклинился Арбузов. Он, разумеется, тоже все слышал.

– У них кроме «Куаджей» была минимум одна всережимная винтовка. Вот прямо передо мной клонская тушка болтается, вся магазинами обвешана...

Всережимная винтовка... Тут уж, конечно, никакой «Валдай» не защитит. Странно только, мои сенсоры не засекли ее по характерному спектру выхлопа. А может и засекли, потом на досуге запись пересмотрю, разберусь.

Итак, одного бойца мы уже потеряли. Я не на шутку встревожился. Ведь мы не прошли еще и половины маршрута! Что же это получается, при сохранении текущих тенденций... А, впрочем, к черту! Лучше об этом не думать.

Но дальше, к счастью, операция пошла как по маслу.

В носовых отсеках порядка было больше. Через каждые пять—десять метров встречались бойцы других групп, освещение в большинстве выгородок было восстановлено. Мы быстро пересекли фрегат сверху вниз и остановились перед восьмиугольными воротами броневой цитадели корабля.

Внутри цитадели располагался боевой мостик, он же, по науке, ГКП – главный командный пункт фрегата «Гита».

Именно там, как сообщалось мне перед операцией, должны дожидаться нас офицеры, решившие сдаться в плен сами и сдать нам своего начальника – застрельщика мятежа по прозвищу Гайомарт.

Но это именно что «должны». Дожидаются ли они нас там на самом деле? Действительно ли намерены сдаться в плен? И уж тем более, с ними ли этот загадочный Гайомарт?

Точных ответов на эти вопросы у меня не было. Настроение из-за гибели Деркача стало совсем паршивым. Подозрительность плавно переходила в агрессию. Я никому не верил и верить не желал.

Вот подойдем сейчас к двери.

Нажмем на кнопку связи.

Клонские лицемеры скажут такими елейными голосочками: «Входите, дорогие друзья».

Мы войдем. Тут-то нас и встретят сосредоточенным огнем всережимных винтовок. Дескать, это мы пошутили насчет сдачи в плен. Желаем умереть что твои древние персы – на поле брани, убив как можно больше ненавистных врагов!

«А вот хрен вам!» – твердо решил я.

По этой причине еще по пути на ГКП Крушков, выполняя мой приказ, распистонил все камеры наблюдения. Пусть думают что хотят – там, у себя на мостике.

Ворота броневой цитадели мы вскрыли самым варварским из доступных методов. Каждый из нас извлек из своего ранца по одному семикилограммовому модулю самоходного подрывного заряда СПЗМ-К, так же известного в осназе, как «сонная торпеда».

В собранном виде это чудо военной мысли представляло собой нечто вроде четырехъярусной пагоды, длиной ровно метр и поперечником тридцать сантиметров.

Мы положили пагоду на бок. Щедролосев подсветил лазером ворота цитадели, а я, метафорически выражаясь, нажал на спусковой крючок «сонной торпеды».

После этого наш интеллектуальный таран величаво подплыл к воротам и...

Рвануло!!!

Рвануло неожиданно сильно даже на мой ко всему привычный вкус. Наверное, нужно было удовлетвориться тремя модулями. Или даже двумя.

Мне было страшно даже думать о том, какой эффект все это произвело на клонов внутри ГКП. На них ведь не было «Валдаев» с их каскадным подавлением шума...

Закралась даже мысль, что при неблагоприятном развитии событий меня, вот лично меня, Льва Степашина, можно было бы за такие кульбиты отправить под трибунал – с формулировкой «жестокое обращение с военнопленными».

Взрыв зверски гофрировал обе створки ворот. Они фактически сложились в две гармошки, открывшись совершенно непредусмотренным конструкцией способом, как раздвижные ширмы.

Хороши ширмочки – из двадцатимиллиметровой стали!

Мы влетели внутрь, как стая пираний. Сразу было видно, кто тут представитель победившей в войне стороны.

Зрелище, которое предстало нашим взорам, меня несколько не удивило.

Это был типичнейший боевой мостик фрегата типа «Киш».

Скажу больше. В Подольском высшем военном училище, где ваш покорный слуга проходил подготовку на офицера осназ, «Макет № 2» – базовый для отработки захвата клонского звездолета – представлял собой копию именно этого боевого мостика.

Вот часто приходится слышать: учеба, мол, это одно, а жизнь – совсем другое. Сто раз уже убеждался в обратном! Если уж ты работаешь по специальности – хоть осназовцем, хоть ресторатором, – судьба будет повторять для тебя одни и те же сюжеты, знакомые с первых курсов, десятки, сотни раз, пока ей не надоест...

Короче говоря, этот боевой мостик я мог бы нарисовать с закрытыми глазами – и центральный терминал тактической обстановки с декоративной бронзовой окантовкой, и рабочие места пяти вахтенных с фотографиями клонских семей в дурацких рамках, и таблицы ручного расчета Х-переходов, выгравированные для надежности на листах зачерненного алюминия.

Лишь клоны несколько выбивались из концепции сотни раз виденного.

Они не заискивали. Не просили пощады. Не рвались сдавать оружие. Они даже не здоровались. И уж давным-давно никто из них не хватался за всережимные винтовки (которых не было).

Словно осенние мухи, клоны висели под потолком, сгрудившись в дальнем углу помещения.

Это на них взрыв так подействовал. Ну еще бы!

Всего их было шестеро. Плюс еще один – его я заметил не сразу. Он сидел в пилотском кресле, опоясанный ремнями. Как выяснилось совсем скоро, это и был вождь мятежников Гайомарт. Смертельно раненный, совсем неопасный.

– Эй, ребята, вы вообще живы? – спросил я, адресуясь к клонам. – Старший кто?

Молчание.

– Ты переводчик забыл включить, Лева, – подсказал мне Крушков.

Я повторил. Встроенный в «Валдай» переводчик перевел мои слова на фарси.

– Старший среди нас – капитан первого ранга Бехзад Кавос, – слабым голосом сказал один из висящих. – Он же Гайомарт.

– И где он, этот ваш Гайомарт?

– Он без сознания. В том кресле.

– Да что вы как дети?! – рассердился я. – «Он без сознания»! А кто в сознании тогда?! Кто следующий по званию?!

– Тогда я, – продолжал тот же доходяга. – Капитан третьего ранга Дрисс Шариф к вашим услугам. Что вам угодно?

– Мне угодно, – начал я, с трудом подавляя накапливающую злость, – чтобы вы взяли ответственность за сдачу в плен вверенной вам группы. Попросту говоря: вы сдаетесь или что?!

Похоже, контузия потихоньку отступала, и к капитану третьего ранга Дриссу Шарифу возвращалась подвижность мысли. По крайней мере он сказал:

– Ну разумеется, клянусь Ашей! Ведь это же я арестовал Гайомарта! И именно я вышел на связь с вашим командованием! А вы нас чуть было не отправили в обитель теней этим своим чудовищным взрывом!

Тут уже не выдержал Крушков. И хотя «по протоколу» вмешиваться в разговор старших по званию ему было никак нельзя, перебивать его я не стал. Я понимал, человеку нужно выпустить пар.

– Какие вообще могут быть к нам претензии, черт вас дери! Вы, видите ли, вышли на связь с нашим командованием! Какая великая заслуга! А сказать нашему командованию, что вы не контролируете ситуацию на корабле?! Тяжело было?! Мы вас, видите ли, взрывом чуть не угробили! Да на вас же на всех спасательные гермокостюмы! Что вам сделается?! Ну перетрухнули чуток – всего-то делов! А мы своего парня потеряли. Его убили ваши сослуживцы. Убили, понимаете? Насмерть!

– Видите ли... – проблеял клонский кап-три. – Это было совершенно не запланировано... То есть я хотел сказать, неожиданно... Я был уверен, что мои единомышленники разоружили всех сторонников Гайомарта и изолировали их!

Тут я понял, что должен вмешаться. Иначе этот спор не ровен час перерастет в кулачный бой. В котором победителем будет, конечно, верзила Крушков.

– Не ко времени это все. Отставить препирательства! – строго сказал я, и Крушков тотчас присмирел, да и кап-три испуганно втянул голову в плечи. – Сдавайте оружие, господа пехлеваны. Включая церемониальное.

Почти сразу в моих руках оказались четыре пистолета, один «Куадж» и шесть кортиков.

Я расставил своих людей по боевому мостику, вызвал Колдуна для Гайомарта (как бы не преставился раньше времени!), а сам сел в кресло первого пилота перевести дух. Беспокоить меня в такие моменты не полагалось. «Командир размышляет!»

Я включил поилку, которую у нас все звали «мамкой». В рот мне полился севастопольский чай. Сладкий, душистый. Я с наслаждением сделал несколько глотков и вперился в соцсети обзорных экранов.

Как ни странно, большинство средств внешнего наблюдения фрегата работали в штатном режиме и показывали то, что им следовало показывать: черную черноту космоса, веснушки

звездного скопления Кирка на бледной физиономии газовой туманности, голубой краешек планетоида Фраский-Лёд и, конечно, алмазный шар Посейдонии.

Нашего фрегата «Неустрасимый» – того самого, который должен был отбуксировать «Гиту» в систему Макран, – пока видно не было. Он запаздывал. Но это не беспокоило меня. Интуиция шептала мне, что он прибудет совсем скоро.

Я уже видел себя в комнате отдыха.

«Валдай» сдан взводу техобслуживания. Рядом пьют витаминизированный напиток циклопы. Помелица только что побывал в медчасти и рассказывает байки о новой докторше-контрактнице из Директории Азия.

У моих ног стоит сумка, набитая трофейным клонским оружием. Когда Помелица и Щедролосев сядут в уголке играть в деберц, ко мне подойдет Крушков. Вначале он будет мяться и мямлить – догадайся, мол, сам, – а потом, не дождавшись от меня сообразительности, нашепчет мне на ухо свою просьбу.

Мол, подари кортик офицерский. Хотя это и против правил, но какая разница, ведь никто никогда не узнает, а ему надо Щедролосеву должок отдавать, за проспоренного Тютчева.

А я поворчу для проформы, но потом все-таки кортик ему подарю.

Хотя это и против правил...

Глава 2

Немного бюрократии

14 августа 2622 г.

Город Синандж

Планета Тэрта, система Макран

Ненавижу писать отчеты.

Нет, «ненавижу» – это неправильное слово. Оно упирает на эмоцию. А я ненавижу писать отчеты не только эмоционально. Но еще и интеллектуально. И даже физически – стоит только мне сесть за планшет, тотчас начинает ломить виски и бурчать в животе.

Увы, именно из них, из этих отчетов, в значительной степени состоит служба любого командира.

Что же в них такого отвратительного?

Пожалуй, то, что в несколько казенных фраз нужно втиснуть множество важных, одна важней другой, деталей. Неясно, о чем писать, а о чем молчать. И почему ты пишешь об этом, а не о том. Всякий раз пропускаешь момент, когда начинаешь завираться...

В общем, писать отчет об операции – это как вручную разливать озеро Байкал в бутылки из-под одноименного прохладительного напитка.

– Параграф третий. Противодействие разведывательно-диверсионным группам противника. Перевод каретки, – диктовал я. – Седьмого ноль восьмого двадцать второго оперативное соединение мятежников «Сефид» в составе авианосца «Севашта», линкора «Камбиз» и четырех фрегатов вышло из Х-матрицы в районе планеты Урмия. В числе прочих набеговых действий противником в район моря Радуги были направлены четыре гидрофлутгера «Сэнмурв» с истребительным сопровождением. На момент обнаружения противника флутгерами «Кассиопея-Е» с космодрома Урмия-Промышленный «Сэнмурвы» успели совершить посадку на свободную ото льда поверхность моря Радуги. Три из четырех гидрофлутгеров были уничтожены силами эскадрильи И-03 второго гвардейского авиакрыла. Одному удалось вернуться на борт авианосца «Севашта». Цели, которые преследовали «Сэнмурвы», остались невыясненными. На поверхности моря Радуги не было обнаружено предметов, достойных внимания...

В этом месте я прервался. Ничего особенно радостного на ближайших страницах отчета не предвиделось. Откровенно говоря, больше всего на свете мне хотелось забыть об этом эпизоде навсегда. Но порядок есть порядок.

– ...Спустя трое суток, десятого ноль восьмого двадцать второго космодром Урмия-Промышленный, расположенный у подножия горы Рангха с превышением над поверхностью метанового океана от пяти до сорока восьми метров, был внезапно атакован несколькими группами конкордианского спецназа «Скорпион». Спецназ появился на первом и третьем пирсах базы гидрофлутгеров и благодаря эффекту внезапности после короткого огневого боя с бойцами роты охраны смог прорваться на главное летное поле космодрома. Там конкордианцы уничтожили подрывными зарядами три транспортных «Андромеды» и захватили недавно прибывший люксогеновый танкер «Таганрог». Со всей очевидностью, именно танкер являлся главной целью их нападения. Противнику удалось поднять «Таганрог» в воздух и вывести его на орбиту...

На этом месте я вскочил и что было дури стукнул кулаком по столу – да так, что планшет подпрыгнул и едва не полетел на пол.

В официальных терминах все это было еще туда-сюда.

Но если вдуматься, ведь позор же, позорище!

Война закончена. Конкордия оккупирована. Победители раздают друг другу звания и награды, кутят по санаториям, обзаводятся женами и строят планы на будущий отпуск.

А в это время в одной не самой захолустной системе последняя горстка спецназовцев побежденного врага преспокойненько врывается на космодром первого класса и угоняет танкер, залитый «под пробку» драгоценным люксогеном.

И люксоген этот нужен им вовсе не на продажу – говорят, по сей день есть места, где можно нелегально продать целый танкер, – а для того, чтобы заправить свои боевые звездолеты.

То есть имеем самую настоящую войну в мирное время. А командование в это время клещет клювом!

И хотя к тому дню, когда я диктовал всё это своему планшету, с мятежной клонской эскадрой «Севид» уже было покончено, ощущение того, что в системе Макран происходило, да и чего там, будет происходить впредь нечто невероятное, ни в какие ворота не лезущее, меня не покидало.

– Угон «Таганрога» обеспечивался двумя конкордианскими фрегатами, район ожидания которых, судя по всему, был приближен к системе Макран на расстояние менее одной световой недели. Получив кодовый сигнал с борта захваченного «Таганрога», фрегаты совершили Х-переход в район планеты Урмия. По счастливому стечению обстоятельств их люксогеновые двигатели находились на грани полной выработки ресурса, из-за чего дельта-радиусы возросли втрое и оба фрегата вышли из Х-матрицы на значительном удалении от расчетной точки рандеву. Это позволило группе «Андромед» под командованием капитан-лейтенанта Котова, возвращавшейся с минных постановок в районе Илана (крупнейший спутник Урмии), при помощи умелого опасного маневрирования на скрестных и встречных курсах с «Таганрогом» привести конкордианцев в замешательство и задержать разгон танкера. Благодаря этому эскадрилья И-03 2-го ГОАКР смогла нагнать танкер и прицельным огнем разрушить его орбитальные двигатели...

Я умолк и закрыл глаза.

Мною овладели воспоминания. Но не о перехвате «Таганрога», которого я не видел, а о двух других звездолетах, которые нам было приказано взять на абордаж над Паркидой в июне.

Транспорт снабжения «Хешт» и эскадренный тральщик «Югир» нарезали витки орбиты над планетой-гигантом Бирб. Прикрывшись кольцом Бирба, к клонским кораблям подкралась стая европейских тяжелых торпедоносцев «Корморан» и, красиво пройдя над ними в строю «колонна звеньев», засыпала добычу тысячами снарядов из подвесных пушек. «Хешт» попытался сойти с орбиты, но часть двигателей отказала и транспорт завертелся волчком. «Югир» поначалу показался более везучим – ему удалось достичь второй космической, и он начал удаляться от Бирба по параболе.

Мой взвод заворуженно наблюдал за всеми этими эволюциями с борта авианосца «Николай Гулаев». Некоторые нервно жевали бутерброды, некоторые, как наш хатха-йог Щедролов, довольствовались минеральной водой без газа. Но нервничали все без исключения. С минуты на минуту нам должны были поставить задачу на абордаж.

Но о каком абордаже могла идти речь в сложившихся условиях? «Хешт» вращался, как танцующий дервиш из Директории Ислам (таких частенько показывают по каналу «Цивилизация»), а «Югир» улепетывал во все лопатки – догонять его на «Кирасирах» не хотелось совершенно...

Мы с циклопами успели заключить несколько пари на предмет того, кто именно попадет нам в лапы – «Югир» или «Хешт», – а Щедролов опростал двухлитровую бутылку «Загорской освященной», когда все разрешилось за какие-то полторы минуты.

Красавец «Хешт», всё так же кувыркаясь, вошел на космической скорости в стратосферу Бирба, вокруг него занялось огнистое сияние, еще несколько мгновений – и грянул взрыв. Был противник – и нет противника.

«Югир» не отставал от товарища. Когда казалось, что он вот-вот исчезнет в Х-матрице, все мы разом поняли, что его траектория неизбежно проходит через нижнее кольцо Бирба.

Помню, никто из нас не обронил ни слова – каждый боялся пропустить хотя бы одну деталь этого рокового зрелища. Наконец «Югир» потерялся на фоне бурого космического мусора, собранного гравитацией и временем в кольцо вокруг Урмии, а затем бледный проблеск взрыва обозначил место крушения клонского тральщика...

Учитывая, что «Таганрог» был расстрелян на низкой орбите, у него были все шансы разделить судьбу транспорта «Хешт». К счастью, обошлось.

Я вновь включил планшет на запись и продолжил:

– Затем последовал захват «Таганрога» силами трех взводов 92-й отдельной роты осназа. Операцией руководил капитан Плахов. В перестрелке на борту танкера были уничтожены девятнадцать бойцов спецназа «Скорпион». Еще шестеро были взяты в плен, все с ранениями средней тяжести. С нашей стороны потеряно убитыми восемь человек, ранены шестнадцать. Также убиты десять человек из экипажа танкера, включая капитана и старпома...

В дверь постучали.

Я радостно вскочил с кресла и понесся открывать – пульта под рукой как обычно не оказалось. Перспектива отвлечься от отчета хотя бы на минуту меня окрыляла.

На пороге стоял невысокий, очень смуглый человечек с черными, как шунгит, волосами. Человечек приветливо улыбался и нетерпеливо пританцовывал на месте.

– Чем могу? – поинтересовался я.

– Младший лейтенант Тхакур Кришнасвами. Стажер. Из Директории Хинду.

Я сделал приглашающий жест, он вошел.

– Капитан Лев Степашин, – отрекомендовался я, мы пожали друг другу руки. – По какому делу?

– Разве вас не предупреждали?

– Нет.

Тхакур набрал в легкие воздуха и без запинки выпалил (как видно, не раз до этого тренировался):

– В соответствии с договоренностью между Российской Директорией и Директорией Хинду, достигнутой на самом высоком уровне, двумстам нашим офицерам было разрешено направиться на тридцатидневную стажировку в указанные вашим Генштабом части, экипажи и гарнизоны.

– Это, положим, замечательно. А что вы делать-то тут будете? – поинтересовался я не без сарказма.

– Буду делать все, что вы прикажете!

– Я? Но почему я?

– Потому что вы исполняете обязанности командира 92-й отдельной роты осназа. А я ваш коллега по роду войск!

«Больно у тебя лицо приветливое для коллеги по роду войск», – подумал я. Но, конечно, вслух я проговорил нечто совсем иное:

– Так вы, значит, младший лейтенант... Гм... Тут вот в чем, понимаете ли, проблема... На командирскую должность я вас взять, сами понимаете, никак не могу... А в бой вас посылать мне тоже как-то не того... Все-таки договоренности... На самом высоком уровне...

Вместо того, чтобы обрадоваться, парень, похоже, обиделся.

– Почему в бой нельзя? При чем тут договоренности? – Его темные глаза сердито заблестели.

– Ну как... Погибнете тут мне еще! А с меня за это шкуру снимут: мол, не уберег!

– Я кшатрий! Я не боюсь смерти, хотя и не ищу ее! Условия моей стажировки предусматривают мое участие в боевых действиях наравне с русскими! То есть я хотел сказать, с вашими бойцами!

«А то и впрямь – отчего бы не взять? Эскадру „Сефид“ мы – тьфу-тьфу-тьфу – упокоили. А новая, хвала Ахура-Мазде, пока не нарисовалась. Есть все шансы прожить остаток августа и сентябрь без особых приключений. А значит, большой опасности для этого... как его... в общем, Кришны... и нет...»

– Мне по нраву ваш боевой дух, товарищ...

– Товарищ Кришнасвами, – подсказал стажер.

– Где вы русский так выучили? Неужели школа такая хорошая была? Или русские родственники есть?

– Школа так себе. Русский я учил методом гипнопедии. В храме Шивы, в Бенаресе... Мы предавались аскезе и молились, чтобы сеансы гипнопедии усваивались как можно лучше! – сияя, сообщил Тхакур.

– Нормально усвоились, – только и смог выдавить я.

А про себя подумал: «Интересно, а стрелять они там, в индийском осназе, тоже гипнопедией учатся?»

Еще когда ко мне только зашел Кришнасвами, мои чуткие осназовские уши уловили отдельные всплески разговора на повышенных тонах. Костер свары потрескивал где-то под открытым небом, за тонкими стенами штабного барака.

Я не придал этому значения – мало ли кто с кем и по какому поводу спорит. Но постепенно два голоса, бас и тенор, стали такими громкими, что их пиковые децибелы проникали в мой кабинет даже через закрытую дверь.

«Да что они там не поделили?! Ох и всыплю сейчас кому-то...»

– Хорошо, товарищ Кришнасвами, – торопливо сказал я. – На сегодня мы с вами считайте закончили. Идите на склад, получайте экипировку. Затем найдете лейтенанта Водопьянова... Вам написать или запомните?

Тхакур улыбнулся.

– Водопьянов. Пьяный от воды. Легко запомнить!

– Вот и отлично. Найдете, поступите в его распоряжение. Он составит программу вашей стажировки. И будет полный ажур.

Последние слова я проговорил уже стоя, поправляя на боку легкую кобуру с пистолетом ТШ-ОН.

– А сейчас, извините, должен идти. Служба.

Я пулей вылетел из кабинета, протопал по коридору, распахнул дверь на улицу.

И всё мгновенно понял.

Ой-ёй... Десантура...

– ...Это ты мне сказал?! Мне?! – набычившись, кричал крупный сержант-десантник с пушечками артиллериста в петлицах.

– Да что ты разорался?! Чего разорался-то?! Ты успокойся! – орал ему в лицо сержант Намылин из моей роты.

За спиной десантника, напрягившись, застыли пятеро его сослуживцев – все рядовые. И тоже артиллеристы. Голубые береты, тельняшки... Полный порядок.

Полукольцом вокруг них собралось никак не меньше полутора десятков моих циклопов. Дело, судя по лицам десантников, шло к полноценной драке. И только заметный численный перевес осназа сдерживал их генетические инстинкты самбистов-разрядников.

– Отста-а-вить! – скомандовал я резко, но не очень громко. Негромко – это чтобы страшнее было. – Сми-и-ир-на! Сержант Намылин! Что здесь происходит?

Это такое правило: спрашивать для начала со своих подчиненных. Я десантников как бы не вижу пока что. Стекланные такие десантники.

– Товарищ капитан! Я ему говорю, что нету самоходки, потому что ее уже забрали! А он говорит, что я эту самоходку за ящик консервов уступил! Дескать, знает он осназ!

– Вы кто вообще? – перевел я налитый кровью взгляд на десантника.

– Сержант Русинович! Командир самоходного миномета артбатареи! двести! двадцать! первого! о! дэ! ша! бэ! – Это у них характерная манера такая доклада, в десантуре, названия и аббревиатуры частей не выкрикивать даже, а скандировать. – Приданного! четырнадцатой! десантной! дивизии! Выполняю приказ комбата. – Десантник вернулся к некоему подобию нормальной человеческой речи. – Я с экипажем прибыл за своим минометом. Его сюда вам в ремонт сдавали.

– За минометом... Где командир вашей батареи?

– В расположении!

– Ведите.

Моя рота со всем своим хозяйством дислоцировалась на территории одного из клонских гарнизонных городков. Городок был, можно сказать, «привилегированным». Привилегированность заключалась в том, что у нас были казармы с видом на море. А где море, там и пляж.

Пляж, правда, был не первый сорт. Он примыкал к гидродрому, где у пирсов были ошвартованы конкордианские гидрофлутгеры «Сэнмурв» – теперь наша, военфлотская собственность.

Соответственно не успевал ты войти в воду и толково «занырнуть», как очередной «Сэнмурв» под управлением пилота Сидорова—Петрова—Кузнецова с маху плюхался в воду. Глиссирующая громадина проносилась перед тобой в жалком полукабельтове. Ясное дело, в физиономию била крутая, чертовски энергичная волна. А еще, бывало, поднырнешь под нее – а по ушам тут же стеганет рев другого «Сэнмурва», который как раз выползает на взлет...

Так вот, привилегированный гарнизонный городок занимали привилегированные части. Во-первых, мы, то есть осназ. И во-вторых, наши ближайшие конкуренты: десантно-штурмовой батальон.

Испокон веку осназовцы и десантники – антагонисты. Мы – разные рода войск, цели и задачи у нас – разные.

Но мы – элита, и они – элита.

И хотя делить нам, казалось бы, нечего, склоки между моими циклопами и десантурой случались часто. Играло ретивое.

Начальником сержанта-скандалиста оказался старлей удивительно располагающей внешности. Я его видел до этого пару раз мельком. Фамилия у него была Горичный.

То ли он выглядел старше своих лет, то ли был за какую-то провинность понижен в звании, но на типичный лейтенантский возраст он никак не тянул. Я бы дал ему двадцать восемь, если не тридцать.

По моему мнению, его подчиненный, сержант Русинович, нуждался в хорошей порке, поэтому, представившись, я сразу же расшумелся:

– Ну и куда это годится?! Пришел, устроил скандал! На ровном месте! Вы его засадите на гауптвахту! Чтобы хорошенько подумал над своим поведением!

– Погодите, капитан. Так что с нашим самоходным минометом?

– Его экипаж из вашей же дивизии забрал. Вчера. Сказал, что по приказу комдива.

– Так это же моя машина. Моей батареи.

– Ну это вы со своим комдивом решайте. Моим подчиненным в ремвзвод поступил самоходный миномет на базе БТР «Тарпан». Вы почему-то собственную колесную базу ремонтировать не умеете. А мы – умеем. Мы вам его, можно сказать, по дружбе отремонтировали. А ваш...

– Да, отремонтировали... Спасибо! А потом отдали неизвестно кому!

– Почему же неизвестно? В другую батарею вашей дивизии. Наверное, ваше начальство решило, что там он нужнее... В общем, я не вижу оправданий поведению вашего сержанта! И прошу его примерно наказать! И имейте в виду: я за этим прослежу!

Старлей вздохнул и посмотрел на меня каким-то «неслужебным» взглядом, как на чужого докучливого ребенка. Будто я от него, от лейтенанта, полдня домогаюсь: «А почему небо синее?»

– А это не вы тот самый Степашин, который первым саркофаг ягну нашел? На Беренике? – внезапно спросил он.

Я опешил.

– А откуда?... Разве рассекретили?

– Не только рассекретили, но уже и в книгах пишут! Я «Памятку о ксенорасе ягну» читал, так там сплошной Степашин...

Свежую «Памятку о ксенорасе ягну» я взял в руки один раз, позавчера. Но тогда нас сдернули по тревоге, эскадру «Сефид» душить, так что прочесть успел едва ли полстраницы.

– Ну уж прямо «сплошной».

– Про ГАБ там, конечно, больше написано... Но и про вашего брата-осназовца немало. Прямо завидно! И вот я еще думал, когда читал: «Смелый человек этот Степашин!» А смелые люди – они веселые. Улыбнитесь, капитан! Вы чего злой такой?

– Да при чем тут злой! – вспыхнул было я. Но спохватился, что веду себя и впрямь не очень адекватно. – Извините, старлей. Наверное, это вы злиться должны. В самом деле, надо было за вами послать, когда ваш миномет забирали...

– Надо было... Ладно, это наша головная боль, не ваша. Слушайте, я еще вас про Беренику спросить хотел. Можно? Вы садитесь, – пригласил он.

Наш разговор происходил в глухом закутке ангара, где в ряд стояли самоходные минометы и другие машины батареи. Сбоку от крайнего стояночного места была воздвигнута кустарная стена. Тем самым непоседливой десантуре удалось выкусить из ангара небольшую комнатенку. В нее поместились стол, три походных раскладных стула и неизбывный железный шкаф стиля «День М».

Вот на свободные раскладные стулья лейтенант и кивнул, приглашая меня рассказать о Беренике.

Береника...

Там было интересно.

Береника – это планета в системе Альцион. Далеко от Солнца, шесть тысяч световых лет. Ничейная звезда, ничейные места, их даже чоруги своими не считают.

Там ягну хоронили паладинов. Но мы тогда не знали таких слов: ягну, паладины...

И ГАБ не знало. Агентство стояло перед мрачным фактом: обнаружена свежая, очень опасная ксенораса. С ксенорасой был один бой – зато прямо в Солнечной системе, возле Титана. А стало быть, материнскую планету этой ксенорасы надо отыскать. Дабы если что...

И вот уже под Новый год, в декабре, ГАБ решило, что загадочную ксенорасу надо искать в системе звезды Альцион.

– Уж не знаю, как ГАБ вышло на Альцион. Там, в «Памятке», не написано, случайно? – спросил я Горичного.

– Нет. Пишут только, что «агентурные данные заставили заподозрить».

Я знал, кто был агентом ГАБ. И куда он был внедрен. И какие именно данные получил от своего агента товарищ Иванов. Но раз в «Памятке» не пишут – зачем я буду рассказывать такие сомнительные вещи о хорошем пилоте-гвардейце, верно?

– Ну, не важно. Летели мы с Грозного, на «Левиафане» – бывшем пиратском рейдере, который захватили осенью в Тремезианском поясе. «Левиафан» по заказу ГАБ отремонтировали. Там разместились флуггеры, пилоты, офицеры ГАБ и мы, осназ.

– А что это за пиратский рейдер такой? – удивился старлей.

– Перестроенный контейнеровоз. Вы похожие наверняка во время войны видели. Старлей кивнул.

– Ну вот. Короче говоря, мы прилетели к Беренике, «Левиафан» поднял флуггеры-разведчики. И долго ли, коротко, один из них гробанулся в горах, возле какой-то подозрительной пещеры. Мы получили приказ эту пещеру обследовать. Мы – это два взвода. Мой и соседний. А там еще все так неудачно сошлось... Я за три дня до того с подругой поругался. Сам не свой был. Злился очень. Ну и летим мы, а я думаю: вот мне сейчас башку ка-ак прострелят! Тот эта коза поплачет!

– Вы извините, конечно, капитан, – с виноватой улыбкой сказал Горичный, – но у вас и сейчас такой точно вид. Будто вы ищите, кто бы вам башку прострелил.

– Да ладно. – Я отмахнулся. – Это я просто на вашего сержанта злюсь.

– А что ваша подруга – на Грозном сидела?

– С чего вы взяли? На Земле.

– А ругались как? По Х-связи?

– Нет, я тогда в увольнение ходил. Мы с ней должны были в Певеке встретиться, это дыра занюханная на Ледовитом океане.

– Есть такая.

– Есть, есть. Так вот мы с Любовой договорились в Певеке пересечься. Ее корабль туда зайти собирался. Я прилетел с самого Грозного, привез ей белых ландышей букет... Шучу. На самом деле грозненскую орхидею красоты невероятной. Плавучую. Если в тазик ее положить, она по тазу медленно так, романтично плавать будет. Достал через знакомых в комендатуре Новогоргиевска. Ну и вот сижу я, жду, переживаю... У ног – тепличка с орхидеей этой, ее поливать надо каждые полчаса. А корабля нет. Звоню ей на борт – не берет трубку. Снова звоню – «канал закрыт». Ух, лейтенант, до чего плохо мне было! Пробую узнать, что с кораблем – а ничего! Никто ничего не говорит! Корабль очень важный, секретный, многие вообще делают вид, что о таком первый раз в жизни слышат!

– Это вы про «Урал» небось?

– Ну да... Э, постой, а ты откуда о таком знаешь? Может, ты мне и про Любаву расскажешь?! – Мои кулаки сжались сами собой, я вскочил на ноги. Теряя контроль над собой, я внезапно перешел на «ты».

– Во дает! – Лейтенант осмотрелся по сторонам, будто приглашая собеседников разделить его недоумение (хотя никаких «собеседников» не было). – Капитан, у меня жена есть. Ее Наташей зовут. Не знаю я никакой Любавы. Это раз. А два: вырос я там, на севере. Мальчишками еще на сопку забегали – поглазеть, как на горизонте «Урал» тучи скребет мачтой Х-связи.

– Извините... Честно говоря, я психую все время, потому что на днях снова с Любовой разругался. Понимаете, я ее люблю. А она меня как-то странно.

– Как это?

– Мне кажется, она для себя решить не может – нужен ей этот капитан Степашин или нет? Там у нее, на «Урале», выбор-то неплохой. Конечно, в основном старые пер... мнэ... перцы. Но и завидных женихов хватает. Всякие там капли, кавторанги, майоры, штатских спецов заносит не самого низкого полета... Как подумаю об этом, сразу напиться хочется!

– Может, вам надо тоже... Ну, не ограничивать себя так... Тут вот, в Синандже, есть варианты...

– Что значит «тоже»? Вы на что намекаете?

– Ох, капитан, ну до чего вы все-таки нудный!.. Ни на что я не намекаю, забудьте. А вы вообще ей говорили, что любите ее?

– Говорил...

Горичный хитро прищурился.

– Уверены?

Уверенности у меня не было. Нет, ну то есть в известные моменты... Что-то я говорил, всякие нежности...

Вспомнить бы еще – что.

Видя мое замешательство, Горичный продолжил наступление:

– Та-ак. Тогда вот что: я вас сейчас везу на Пятак. Веду к знакомым связистам. Они вам любую сессию откроют, хоть с Советом Директоров... Ну почти. По крайней мере до «Урала» дозвонитесь – гарантия. И вы своей Любаве говорите: «Любава, я тебя люблю». Вы ее в жены взять хотите?

– Не знаю... Хочу.

– Значит, говорите так: «Я тебя люблю. Будь моей женой».

– Да бросьте, лейтенант... «Везу», «веду»... Мне неудобно. Давайте лучше по пятьдесят – и разбежались?

– Неудобно спать на подоконнике, товарищ капитан, – весело сказал Горичный и вскочил со своей походно-полевой сидухи. – А на Пятак я все равно собираюсь, у оперштадива свой миномет вырывать.

Я уже внутренне сдался. Ладно, чего не съездить, в самом деле? Надо же нам что-то с Любавой решать наконец... И раз уж так всё сбежалось...

– Ну а по пятьдесят? – напомнил я.

– Пятьюдесятью вы не отделаетесь. За вами будет нормальная, полновесная бутылка. Но – делу время. Поехали, пока у Толика смена не закончилась. Толик – связист знакомый, – пояснил он, протягивая мне танковый шлем. – Вы мне про Беренику недорассказали.

Про Беренику я Горичному дорассказал.

Планета мерзкая, горячая, настоящие лавовые озера попадают. Очень высокий естественный радиационный фон. Но это все можно пережить, благо, для того бронескафандры и придуманы.

Хуже всего было то, что мы за своей спиной настоящей силы не чувствовали. Агентство, похоже, само не ожидало, что удастся на Беренике что-то найти. Поэтому «Левиафан» на орбите планеты болтался один-одинёшенек, без охранения. И мы тоже оказались на Беренике совсем одни – ни других взводов осназа, ни танков, ни вертолетов.

И вот завис наш «Кирасир» над базальтовой пустошью. Выпрыгиваем. Где эта подозрительная пещера?

А до нее еще топать и топать! Это, значит, пилоты «Кирасира» получили приказ: от пещеры подальше держаться, как бы чего не вышло.

Ну ничего, дошли. К счастью, уже были предупреждены, что вход в пещеру прикрыт автономными пушками неизвестной конструкции. Поэтому обошлось без жертв.

Пока мы эти пушки вычислили, пока расстреляли – уже устали. А надо же еще по самой пещере лазить!

Зато в пещере... В пещере обнаружилось свежее захоронение разумного инопланетного существа.

А именно летательный аппарат длиной семнадцать метров – одна штука; инопланетное существо, мертвое – одна штука; личные вещи существа – много-много штук.

Это был пилот-воин ягну. Их позднее назвали паладинами.

Истребители, на которых они летают, тоже называли паладинами, как видно, из экономии.

Пещера на самом деле была огромной. Но паршивое, фрагментарное освещение скрадывало масштаб. И истребитель-паладин показался довольно маленьким.

Зато покойничек нас так впечатлил, что, пока я скомандовал «Прекратить огонь!», саркофаг успел принять пуль двести.

Дело вот в чем. Саркофаг ягну – громадный прозрачный кристалл. Захороненный пилот висел в нем, как муха в янтаре.

При этом надо понимать, что такое ягну-паладин. Это помесь каракатицы, десятиметровой кровати и ночного кошмара с могучими ходильно-церебральными конечностями и множеством разнообразных ротовых и сенсорных щупов, которые задорно топорщатся четырехметровыми полированными пиками цвета натурального титанира.

Ходильно-церебральные конечности – назовем их щупальцами, хотя и не очень-то похоже – собраны у ягну в два пучка по четыре штуки. При этом ягну-паладину все равно, какие щупальца использовать для ходьбы, а какие – в качестве рук.

Так вот, «наш» паладин был зафиксирован в броске на врага. Он будто оторвался от тверди и летел на зрителя. Четыре его конечности были раскинуты в стороны, готовясь обхватить и задушить вас. А еще четыре – выброшены вверх исполинскими знаками вопроса. И вопросы эти не предвещали противнику ничего хорошего.

Стоит ли удивляться, что когда чудовище попало в поле зрения рядового Александренкова, он открыл ураганный огонь? Который, само собой, поддержали еще несколько циклопов.

Ну а потом что?

Посмеялись, начали ковыряться. Не нравилось мне, что занимаемся мы разграблением чужой могилы, но приказ есть приказ.

Прикинули, можно ли саркофаг вытащить и на «Левиафан» упереть. Получалось, что целиком – никак. Начали резать.

Пока одни резали, другие успели найти штук тридцать предметов искусственного происхождения.

– В «Памятке» пишут, вы нашли дневник пилота? – спросил Горичный.

– Да. Уютный такой дневничок... Собственно, по моему мнению, это был единственный ценный для нас предмет. Все остальное можно было не трогать... Я вам честно скажу, лейтенант: по сей день рад, что мы тот саркофаг не успели разрезать. Наши пилы прошли хорошо если сантиметров шестьдесят, это на общих масштабах – едва заметные надрезы... А тут – «боевая тревога»! С «Левиафана» передают, что ягну всполошились, их истребители замечены в атмосфере Береники. Пришлось нам из пещеры вылететь пулей. В общем, остался саркофаг как есть... Но я не даром Любаву вспомнил... Я кричу своим: «Уходите, я здесь останусь! Отвлеку их!» Идиотизм полный. Кого бы я отвлек? Куда? Но очень уж хотелось мне героической смерти.

– Понимаю вас.

– Понимаете?

Не знаю, понимал меня Горичный на самом деле или нет. В этих вопросах я сам себя не всегда понимаю.

Вот, скажем, за день до того, как мы «Гиту» брали, в который раз подошла моя очередь на личный звонок.

Я отправился на флотский узел связи с твердым намерением наговорить Любаве всяких приятностей.

С «Уралом» меня соединили. Ура!

Говорю:

– Любавушка, котик, привет. Это Степа. Очень по тебе скучаю. У меня все хорошо. Каждый день купаюсь, загораю. Как ты там? Прилетай, может, ко мне? Военврачи везде нужны. А здесь лучше, чем на твоём «Урале». Природа красивая. Я вот подумал, есть сейчас возмож-

ность поговорить с одним генерал-майором ГБ. Очень серьезный человек. Думаю, ему твой перевод в Синандж устроить – раз плюнуть.

Х-связь – она всегда односторонняя (хотя и случается, что этого практически не чувствуется). Наговариваешь для начала побольше, все это отправляется через полгалактики твоему собеседнику. Сидишь ждешь. На том конце линии тебе что-то наговаривают. Оно прилетает. Строишь картинку, слушаешь слова.

Потом отвечаешь, посылаешь, ждешь.

Ждешь по-всякому. Иногда долго, а иногда получается – разрывов почти нет.

В тот раз так и было: казалось, что мы говорим по обычному телефону, что не лежат между нами бездонные пропасти парсеков.

На экране появилась Любава. Раскрасневшаяся – явно бежала к ближайшему терминалу связи со всех ног.

– Лева! Привет! Я тоже соскучилась, умираю! Только не ври мне как ты там загораешь! Не ври! Я сегодня слышала, у вас там настоящая война!

«Что она могла слышать? – думаю. – Что мятежники пытались „Таганрог“ угнать? Тоже мне, „настоящая война“... И какая сволочь ей об этом рассказала?»

– Я за себя не боюсь, нет, ты не подумай! Но если я буду там, где-то в вашем Синандже сидеть, я же не смогу! Я каждое слово буду через себя пропускать, буду думать, что ты там, где-то в эту самую минуту, под пулями... Я с ума сойду!

– Любава, ты меньше слушай всяких дураков. Там у вас штабные – впечатлительные товарищи. Они из любой мухи умеют слона сделать. Не надо за меня волноваться. И никакой войны здесь нет...

И тут словно какой-то бес меня за язык потянул! Нет бы уже остановиться и на кнопку «Послать» надавить, я прибавляю:

– Конечно, там тебе, наверное, веселее, на «Урале», чем у нас на Синандже было бы... Что ни неделя – балы, вечеринки, ухажёры... Небось закрутила уже с каким-то паркетным генералом...

Ну и получил я в ответ. И «сволочь» я «бессердечная», и «псих», и «диагноз твой – бред ревности, это болезнь, и ее лечить надо, а не здоровых людей изводить!»

В общем, называется «наговорил всяких приятностей»... Болван.

Да вдобавок еще и сглазил – насчет «войны нет».

Пятаком у нас называли уютную, ладную площадь чуть в стороне от центра Синанджа.

Уж не знаю, почему называли. Одни говорили, что площадь круглая, как пятак. Оригинальное мышление! Будто только пятак круглый, а полтинник, например, квадратный...

Другие утверждали, что над площадью раньше висел на растяжках огромный серебряный диск с фровахаром – эмблемой конкордианских ВКС. И когда первые вертолеты наших оккупационных сил подлетали к Синанджу со стороны космодрома, один пилот сказал другому: «Гляди, Федя, какой пятак».

Я, правда, фровахара уже не застал. Нас загнали на Синандж только в июле, когда поступили первые тревожные сигналы насчет мятежной эскадры «Сефид».

Горичный, который в качестве городского транспорта использовал ни много ни мало свой командирский броневик, остановил машину возле четырехэтажного дома с нарядным фасадом, выкрашенным салатовой краской. Там раньше размещалась какая-то клонская штабная контора, а теперь сидели наши.

– Подождите пока здесь.

Он пошел договариваться со знакомым связистом, а я остался топтаться на тротуаре.

Мимо меня неспешно шествовала клонская семья: папа, мама, девочка лет семи и мальчик. Мальчику было годков пять. Он гордо восседал на белой игрушечной лошади с колесиками. Лошадка бодро жужжала и уверенно катилась вперед со скоростью пешехода.

Классная вещь! Я улыбнулся.

Отец семейства вдруг повернулся ко мне и что-то сказал. Разумеется, на фарси.

Переводчика у меня с собой не было.

– Извините, не понимаю. – Я развел руками.

Вероятно, он привык, что у каждого русского в Синандже есть с собой «Сигурд». Мужчина удивленно задрал брови и снова что-то сказал.

– Он спрашивает, – выручил меня Горичный, появляясь будто из-под земли, – правда ли, что полностью отменен комендантский час.

– Не знаю.

– А я знаю. Сегодня утром его действительно отменили. Ведь эскадре «Сефид» капут! – Горичный отвернулся от меня и донес ту же мысль до клона на языке фарси.

Впрочем, вряд ли этот конкордианец был клоном в буквальном смысле этого слова.

Судя по отлично скроенной одежде, да и по игрушечной лошадке (недешевая в Конкордии штука, я думаю), он и его семья принадлежали к одной из высших каст. Да и право на обзаведение детьми клонированным гражданам Конкордии предоставлялось ну очень редко, лишь за особые заслуги.

Выслушав ответ Горичного, отец семейства что-то скомандовал своим детям. Именно «скомандовал», у них с семейной дисциплиной строгац полный, особенно у пехлеванов.

Мальчик остановил лошадку, слез с нее. Девочка подбежала к нему, взяла его за руку. Они дружно что-то проскандировали – вероятно, стишок строк на шесть—восемь.

Я вопросительно посмотрел на Горичного. Старлей, похоже, сам обалдел.

Он присел перед детьми на корточки, попытался сделать серьезное лицо, сказал им что-то откровенно позитивное, подарил каждому по крохотному тубусу жевательного зефира «Вкусняшка».

На этом представление закончилось, клоны помахали руками и ушли.

– Что это было? – спросил я у Горичного.

– Это были новые веяния пропаганды, – ответил тот, рассеянно улыбнувшись. – Стихотворение. Причем не детское. Очень тяжелым, пафосным языком написано, я половину не понял. Но смысл такой, что пехлеваны с Земли мир спасли. Подчеркиваю: с Земли. И теперь все благоверные люди будут жить счастливо. Но для этого надо дружить.

– Ого. Это, что ли, наши пресс-офицеры балуют?

– Может, и наши. А может, и нет. Знаете, яхта из Хосрова недавно прилетела?

– Что-то краем уха...

– На ней прибыла женщина, заотар. Заотар высшей пробы, так сказать. Уже третий день выступает в местном Дворце Пехлеванов перед клонами. Аншлаг, говорят, полный. Кто-то из наших туда ходил, пилоты из второго гвардейского, кажется.

– Здорово. Так, значит, снова «Москва – Хосров – братья навек»?

– А как иначе? – Горичный развел руками. – Но вернемся к вашей проблеме... Значит, я договорился. Второй этаж, комната триста. По вашему офицерскому удостоверению вас обя-заны пустить. Будут спрашивать – скажете, идете к подполковнику Курехину.

– Знаю такого.

– Тем лучше. Но вместо Курехина двигайте прямиком в трехсотую. Скажите: «Я капитан Степашин». Этого достаточно.

Так я и поступил.

Зашел, нашел, сказал. Дали мне терминал, открывают сессию X-связи.

– Говорите, есть «Урал», – тихо сказал мне Толик.

Что говорить? Хорошо Горичному советы давать! «Я люблю тебя, давай поженимся». Но это же как-то резко, правда? Или нет?

– Любава, солнышко, это Лева... Да что же мы с тобой все время ругаемся, а? Это потому что я дурак... Ты права, тут было немножечко войны. На днях пришлось с автоматом побегать... Но теперь уже всё! Теперь точно всё! В Синандже даже отменили комендантский час. Это мир, понимаешь? Сегодня же пойду поговорю о твоём переводе. Ты согласна?

Нет, думаю, нет, Лев, мало сказал. Еще говори! Ты же пулям не кланялся, чего перед девушкой любимой робеешь?!

– Помнишь, как мы с тобой на оленях катались? Я тогда подумал, что не бывает такого счастья, быть не может: встречаешь самую красивую девушку на свете, говоришь ей: «А не хотите ли прогуляться?» А она тебе отвечает: «Прогуляться? Давайте попробуем». Думал, не бывает такого счастья! И нет, вот оно, прямо в руках... Любава, я люблю тебя... Я прошу тебя... стать моей женой.

Я нажал кнопку «Отправить».

Ответа не было три минуты.

Пять минут без ответа...

Среди операторов пополз тревожный ропоток.

Восемь минут...

Многовато. Даже с учетом всех ретрансляций.

– Оно хоть отошло? – спросил я у Толика.

Тот не отвечал, шаманил над своим пультом.

– Отошло, – ответил он, поворачивая ко мне лицо с безвольно опустившимися уголками губ. – Отойти отошло, но... Подтверждение приема с Земли не получено. И последние передачи от дальних абонентов пришли с «мусором». Сейчас разбираемся.

Я провел в комнате номер триста еще полчаса.

Х-связи не было. Вообще не было. Не пришел даже обязательный контрольный сигнал.

– Мы только что приняли через спутник связи над Урмией... – Толика, казалось, пропустили через стиральную машину, он весь взмок и вместе с тем как-то помялся, что ли. – Ваше собственное...

Он явно не знал что сказать. Нажал на кнопку. На экране перед собой я увидел... свое лицо.

Капитан Степашин трагично задрал брови и заговорил:

– Любава, солнышко, это Лева...

Изображение распалось на хаотические черно-белые многоточия, звук размешался в цифровую кашу. Треск, крокозябры... Потом – временное просветление:

– ...потому что я дурак... Ты права, тут было немножечко войны. На днях пришлось с автоматом побегать... Но теперь уже всё! Теперь точно всё!

Что верно, то верно – «всё». Вторая часть послания представляла собой ровный белый шум.

– Как это понимать? – спросил я у Толика.

– Н-не знаю... Такое впечатление, что волны... Исказились... Рассеялись... Остатки – от чего-то отразились... пришли обратно. Их принял наш спутник над Урмией.

– Отразились где? От чего?

Но ответа я не дождался. У меня в кармане зазвонил служебный телефон.

– Товарищ капитан, – голос Водопьянова был тревожен, – получен приказ. Рота переводится на строгое казарменное положение. Вы должны немедленно явиться на территорию части.

Глава 3

Рецепты бабушкиной кухни

18 августа 2622 г.

Океан Сполохов

Планета Урмия, система Макран

Осназ занимается всем. Осназу до всего есть дело.

Нужно добыть языка во вражеском тылу – посылают нас.

Организовать диверсию на вражеской базе – тоже, значит, нам на выход.

Идти в первой волне десанта, расстреливая из гранатометов радары и пусковые установки зенитных ракет? Поручите это осназу!

Про «особо важных товарищей» обоего полу я вообще молчу. Где кого враг прихапал – нам расхлебывай, вызволяй их, не жалея живота своего.

Ну и конечно, если где-то ненароком упал звездолет-другой, без нас спасательная операция редко когда обходится.

Итак, мы, осназ – острая приправа к любому оперативному супу. Без нас невкусно, а подчас и вообще несъедобно.

Начальство это знает. И вроде бы даже ценит. Но далеко не всегда считает необходимым вводить нас в курс дела. Не по мелочи – по-крупному.

Что мы знали утром восемнадцатого августа?

Во-первых, мы снова с кем-то воюем. И этот кто-то – сюрприз! – вовсе не клоны. А раз не клоны, значит – ксенораса. Грёбанный «фактор К».

Во-вторых, в крупном космическом сражении над планетой Алборз мы потеряли тяжелый авианосец «Рюрик» и несолоно хлебавши были вынуждены откатиться на орбиту Тэргы. Какие при этом потери понесла загадочная ксенораса, мы понятия не имели. Кто мы такие, чтобы нам докладывали?

И в-третьих – а это нам уже сообщили на инструктаже, – что-то стряслось с фрегатом «Гневный». Дескать, из-за навигационных ошибок (хороши ошибочки!) корабль вместо того, чтобы преспокойно совершить Х-переход в систему Зерван, чиркнул по верхним слоям атмосферы планеты Урмия и плюхнулся в тамошний метановый океан. К счастью, не утонул, потому что попал на отмель.

Какая многообещающая коллизия!

Из доведенных до нашего сведения докладов Михайлюка, командира фрегата «Гневный», и порции хреновеньких космических снимков (серая калоша в черной полынье, быстро растающей свежим ледком) вывод был прост: корабль уже никогда не взлетит, а его экипаж надо снимать как можно быстрее, поскольку он деморализован и испытывает тяжелые лишения.

Оно и понятно: пробоины, поломки, авария реактора, из-за всего этого на борту собачий холод, кислорода не хватает... И вдобавок ко всему донные пески неумолимо засасывают «Гневный» со скоростью полметра в час.

А затем мы услышали от свирепого эскадр-капитана Трифонова совсем уж странные вещи.

– Спасать команду «Гневногo» надо немедленно. Ближайшая к нему наша база – космодром Урмия-Промышленный. Но, к сожалению, космодром сейчас не может выслать спасательные флуггеры. Поэтому полетит эскадрилья трофейных гидрофлуггеров типа «Сэнмурв». Полетит отсюда, с Синанджа. Вы, капитан Степашин, должны распределить своих бойцов из расчета три—пять человек на одну машину. Сколько именно человек, я сказать сейчас не могу

– посоветуетесь с пилотами. Это будет зависеть от того, что вы с собой возьмете... Предложить вам детальный план спасения я тоже не могу – слишком быстро меняется погода в районе места падения фрегата... Сообразите по обстоятельствам. Так что берите всего по максимуму. Мало ли что может пригодиться...

– А можно вопрос? – не удержался я.

Трифонов наградил меня свинцовым взглядом и молча кивнул.

– Хотелось бы знать... ну просто для общего развития... А по какой причине космодром Урмия-Промышленный не может выслать спасательные флутгеры? Глупо как-то получается... Им же рукой подать до «Гневного»!

– Посвящать вас в подробности я не уполномочен... – неохотно произнес Трифонов.

Я уже думал, ничего он больше не скажет. Но ошибся. Трифонов поразмыслил и все-таки изрек:

– Над космодромом Урмия-Промышленный идут спорадические воздушные бои.

«Ни фиги себе пельмени! Спорадические воздушные бои! Но с кем же, с кем?!» – внутри меня всё вскипело, но я благоразумно промолчал.

– Кстати! – встрепенулся Трифонов. – Сколько в вашей роте по штату зенитных средств?

За всю войну с Конкордией мы применяли переносные зенитные ракетные комплексы «Гарпун» ровно один раз – при штурме космодрома Хордад на Паркиде. Да и то, разумеется, ни в кого не попали, потому что «переносное» применительно к зенитным средствам всегда означает «слабенькое». А клонский истребитель «Джерид» не самая легкая цель и для более серьезных агрегатов...

– Прошу прощения, товарищ эскадр-капитан, хотелось бы уточнить: вас действительно интересует штатное расписание? Или все-таки текущее фактическое наличие?

Трифонов сделал лицо из серии «Прибил бы гада» и выдавил:

– Давайте штат. А затем – факт.

Я нахмурился и принялся считать вслух:

– По штату в каждом рейдовом взводе есть расчет ПЗРК «Гарпун»... Кроме этого взвод тяжелого оружия имеет два «Гарпуна» и лазерно-пушечную установку «Облепиха». Итого получаем... семь единиц... Но это по штату... А по факту у «Облепихи» намертво запесочились стрельбовые аккумуляторы... Один «Гарпун» точно небоеготов, вчера как раз докладывали. Остальные надо еще проверить, может, тоже есть проблемные...

– Великолепно! – воскликнул Трифонов. – Как это вовремя!

Каждое его слово сочилось ядом.

– Не вовремя, конечно, Денис Поликарпович. Но капитан Плахов и и.о. зампотыла Буров подавали по вопросам матобеспечения роты все необходимые рапорты и запросы в срок. В частности...

– Довольно, – прервал меня Трифонов. – Я вас не виню. Но как же вас, черт возьми, прикрыть с воздуха?..

– Денис Поликарпович, вы извините мою настырность... А насколько вообще высока вероятность нападения воздушно-космического противника?

– Насколько высока?! – взорвался Трифонов. – Более чем высока!.. Ладно. Я вот что решил: дам вам истребительное прикрытие. «Дюрандали» пойдут. Иначе вас с вашими «Гарпунами» там в мелкий мякиш раскрошат!

На том и порешили.

Несмотря на то что ситуация была гаже некуда, пожимая руку Трифонову, я улыбался. С «Дюрандалями»-то оно лучше, чем без них!

Однако стоило мне выйти из кабинета эскадр-капитана, как суровый настрой Трифонова передался и мне. Разговаривая с Арбузовым, я был мрачнее тучи.

– Значит, вот что. Возьми людей и бегом на склад с трофейным клонским оружием... Найди там такую штуку... четыре ПУ на разборном лафете, стреляет ракетами от ПЗРК «Ярав». Возьми две таких. И ракеты тоже не забудь! Если не будет, бери просто ПЗРК «Ярав» в обычном исполнении.

– Так склад же опечатан! Там охрана! Нужно письменное распоряжение комендатуры! Будут спрашивать!

– Будут спрашивать – дашь в морду.

* * *

Погрузились на «Сэнмурвы».

Взлетели, вышли на орбиту Тэрты.

Состыковались с «Суворовым».

«Суворов» бодро сверкнул выхлопом орбитальных двигателей, разогнался, ушел в Х-матрицу.

Мы появились из Х-матрицы в виду Урмии.

Планета была похожа на Колобка, который благополучно ушел от дедушки и бабушки, волка и лисички, от семьи и детей и славно себе жил на окраинах космоса, пока не заразился трайтаонской ветряной оспой...

Основным фактором операции было время. Поэтому «Суворов» разогнался не на шутку, выходя на опаснейшую траекторию лобового сближения с Урмией.

Только за три минуты до выпуска наших «Сэнмурвов» линкор-авианосец развернулся кормой вперед по вектору движения и одарил нас незабываемыми тормозными перегрузками в девять g. Даже Щедролосев, обычно кроткий, матерился так, что вяли уши.

Дальше было не легче. Сойдя со стыковочных узлов «Суворова», восьмерка наших гидрофлугтеров перескочила на опорную орбиту, затем довольно грубо мы провалились на низкую эллиптическую и безо всякой паузы сбросили скорость до... мой друг пилот Мамин сто раз говорил мне, как эта скорость называется – на которой флугтер сам сваливается с орбиты и входит в атмосферу, – но я так и не запомнил.

В общем, мы оказались в атмосфере Урмии.

Два левых виража, три правых виража, и вот уже пилоты предупреждают, что до «Гневного» осталось четыре минуты лету.

Я закинул в рот горсть шоколадного драже. Шоколад – он согревает не хуже водки, даже лучше. А холодина там, на Урмии, такая, что наша земная Арктика-Антарктика покажется по сравнению с ней климатическим курортом.

Да, скафандры объективно помогают, греют хорошо. Но каким-то мистическим образом, то ли от жадного воя ледяного ветра, то ли от вида завоеванных морозом ледяных пустошей, все время ощущаешь холод. Он идет изнутри.

В транспортном отсеке «Сэнмурва» иллюминатор ровно один – спереди по левому борту. Насколько я знаю, предназначен он вовсе не для пассажиров, а, как это ни смешно звучит, для бортмеханика. Глядя в него, можно визуально определить, штатно ли вышел крыльевой посадочный поплавок под левой плоскостью.

На правах командира я бесцеремонно узурпировал место возле этого иллюминатора, предоставив остальным циклопам возможность воссоздавать пейзажи за бортом в своем небогатом воображении (тем, у кого оно богатое, по моему глубокому убеждению, в осназе делать нечего).

Поначалу к стеклу липла сизая вата облаков. Но вот «Сэнмурв» снизился, облака остались над головой, и я увидел землю, а точнее – замерзший океан и один из бесчисленных горных пиков-одинок на горизонте.

Этими пиками, говорилось в путеводителе, славится планета Урмия. Если, конечно, допустить, что она вообще чем-либо славится за пределами своего кольца...

Где-то впереди по курсу должна была расстилаться огромная полынья, в которую наши «Сэнмурвы» надеялись приводниться. А учитывая, что почти ровно в центре полыньи доходил фрегат «Гневный», мы тем самым благополучно решали задачу первой фазы полета: притереться к аварийному кораблю и начать прием его экипажа.

– Вот, блин... – услышал я в наушниках голос пилота Афонины. – «Гневный» примерз.

– В смысле? – спросил я.

– Нет больше чистой акватории! Понимаете, капитан?

– Полыньи, что ли?

– Да называйте как хотите! – вспыхнул Афонин и, смягчаясь, добавил: – Сажать «Сэнмурвы» некуда.

– А на лед?

– Да вы бы его видели, этот лед. Бугры сплошные. Сломаем шасси к диким кабанам.

– И что?

– Ну что... Намерен запросить указаний у командира «Суворова», каперанга Быка.

– Отставить. Кап-один Бык далеко, ничего нового он не изобретет. Вариант вижу ровно один: я и мои бойцы десантируемся с парашютами. При этом мы берем с собой капсулы с оксидом лития и подрывные заряды из расчета шесть единиц на каждого.

Афонин сосредоточенно засопел. Как видно, предложенное его удивило. Потом что-то сообразил:

– Ну, положим, оксид лития нужен, чтобы отфильтровать на борту «Гневногo» избыточную углекислоту и тем спасти экипаж от удушья. А подрывные заряды зачем?

– Прорубим для вас новую полынью, или, как вы выражаетесь, чистую акваторию... Какой у вас минимальный посадочный пробег?

– В условиях Урмии вообще-то триста двадцать. Но это посадочный с малой нагрузкой. Взлетный чуть меньше. Но взлетать мы будем с грузом. А значит, надо хотя бы четыреста.

Я присвистнул. Четыреста!

– А вы учитываете текущее направление и силу ветра у поверхности?

– Хороший вопрос... – уважительно пробормотал Афонин. – Скажем так: в благоприятных условиях можно скинуть метров сорок... Больше – риск страшный.

– Итого имеем триста шестьдесят – это если повезет. А для гарантии надо бы триста восемьдесят, – печально суммировал я.

Циклопы настороженно внимали нашему разговору. И хотя каждый из них вроде бы был занят своим делом – кто в сотый раз проверял систему жизнеобеспечения скафандра, кто просто делал вид, что дремлет, но меня было не обмануть: любой из них уже прикидывал в уме, как лично он будет гасить купол парашюта под порывами ветра, бросающего в тебя пригоршнями колючую взвесь, а потом бурить лунки для подрывных зарядов, а потом много чего еще малоприятного и физически нелегкого, и так до самого вечера, когда наконец-то нас покормят ужином и разрешат поспать часов семь...

– Ну вы поняли расклад, да? – спросил я у циклопов.

– Практически да, – отозвался комвзвода Водопьянов с борта соседнего «Сэнмурва». – Вот только вопрос: а не проще «Сэнмурвам» снизиться в вертолетном режиме и повыбрасывать нас с высоты метров пять? Риска вроде меньше...

Я как раз собрался переадресовать этот вопрос Афонины, когда тот сам вмешался в наш разговор:

– Конечно, это было бы проще. Но для этого нужен «Кирасир». Или любой другой привычный нам флуггер... У нас налета на «Сэнмурвах» меньше десяти часов... Боюсь, уроним на хрен... Честно говорю.

– Ну значит, закрываем дебаты. Слушай приказ: «Сэнмурвам» выйти на эшелон тысяча пятьсот, разомкнувшись строем пеленга. Каждый экипаж дает отсчет за десять секунд до выхода в точку сброса. Личному составу роты надеть парашюты и привести скафандры в боевой режим. Двое младших по званию каждой группы берут в прыжок по четыре капсулы оксида лития. Остальные берут по шесть взрывных модулей. Точка сбора на земле – под тактическим номером по правому борту фрегата «Гневный».

Я заметил, в народных массах широко распространено заблуждение, что, дескать, на поверхности планет-гигантов очень большая сила тяжести. Но это далеко не всегда так. Вот, например, на поверхности Урмии ускорение свободного падения всего лишь на треть превышает земное.

С другой стороны, плотность нижних слоев атмосферы на этой планете довольно высокая. Получается, что воздух там густой, вязкий. Его сопротивление надежно компенсирует «излишек» силы тяжести. В итоге прыжок с парашютом получается немногим более опасным нежели на нашем родном Подольском полигоне. А вот по ощущениям разница с Землей заметная – будто не летишь, а плывешь, точнее, проваливаешься сквозь толщу воды с гириями на ногах...

Мне, между прочим, этот аттракцион понравился. За других – не скажу.

Неприятностей случилось две.

Группу из трех человек снесло внезапным порывом ветра на два километра к северу от «Гневного». А сержант Верхолазин угодил в единственный бассейн с незамерзшим металлом, имевший очертания Персидского залива. Двое товарищей тотчас принялись спасать его и, конечно, спасли.

Такие вещи, как легкую тошноту и экзистенциальное уныние, я в неприятности не записываю.

В точке сбора я был вторым после Щедролосева, которому просто повезло: он приземлился в нескольких метрах от кормовой малокалиберной батареи ПКО нашего богоспасаемого фрегата.

Пока подтягивались другие циклопы, над нашими головами раскрылся один из стыковочных шлюзов «Гневного» и из густых клубов пара выступили фигуры, облаченные в оранжевые гермокостюмы «Саламандра». В ходе сбивчивых переговоров через аналоговый УКВ-канал – говорить хотелось всем и обо всем, притом одновременно! – выяснилось, что на «Гневном» дела еще хуже, чем рассказывал Трифонов, но раз мы и «Сэнмурвы» уже здесь, всё на самом деле хорошо, а скоро будет вообще шоколадно.

Экипаж «Гневного» установил сообщение между стыковочным шлюзом и замерзшей поверхностью океана при помощи самых тривиальных алюминиевых стремянок.

Мы передали экипажу капсулы с оксидом лития и двадцать крупных брикетов восстановительного питания «Бросок» (я едал эту дрянь со вкусом водорослей – она и мертвого подымет на ноги). Взамен Михайлюк, командир «Гневного», ссудил нам дюжину наиболее выносливых военфлотцев под началом грозного боцмана с аристократической фамилией Романов.

Команда Романова должна была помочь нам в закладке подрывных модулей.

Спасибо, конечно, Михайлюку... Но когда я поглядел на этих доходяг, я понял две вещи.

Во-первых, мы спешили не зря, если даже самые сильные и выносливые ходят пошатываясь... А во-вторых, использовать полученное пополнение можно разве что на самых легких этапах работы, да и то в основном для того, чтобы не ронять людям самооценку...

Наш главный спецподрывник лейтенант Хамадеев стремительно раздал распоряжения.

Вскоре прогремела серия пробных взрывов.

Я с нетерпением ожидал вердикта Хамадеева. И он не замедлил:

– Буду краток, Лев Иванович. Взорвать заданную площадь, расколоть лед на куски мы можем. Это без проблем. Но направить взрывы таким образом, чтобы весь лед вынесло за пределы акватории, никак не получится. Экспериментировать больно долго... Спросите у пилотов, могут ли они посадить гидрофлуттеры на воду, если в ней будет шуга калибром сантиметров сорок—семьдесят...

– Шуга это лед, что ли? – уточнил я.

– Ну это вот все... куски льда, комья снега...

– Сейчас выясню.

Ответы Афонины не обнадеживали – садиться на эту самую шугу можно, но риск побить поплавки и реданное днище фюзеляжа очень велик. А оно нам надо – добавлять еще один риск к нашему и без того рискованному предприятию?

Вставал вопрос: как быть?

Решение неожиданно пришло от боцмана Романова, имевшего большой опыт службы на ледяных пустошах Восемьсот Первого парсека.

– Надо, товарищи, люксоген задействовать. С «Гневного». Алгоритм такой. Заряды – закладываем. Потом все это дело люксогенчиком равномерно поливаем. Прячемся за корпусом фрегата. И ваш Хамадеев подает на всю эту мамочку напряжение.

– Погодите-ка, дорогой товарищ! А люксоген ваш прямо на глазах не испарится?! – скептически поинтересовался Арбузов. – Это же не вода, ему без разницы, что у нас тут минус двести!

Но боцмана Романова смутить было нелегко.

– Он будет испаряться, – согласился он. – И поэтому нам еще с нашими спецями из группы Х-движения надо придумать, как бы это побыстрее весь наш бутербродик в три футбольных поля люксогеновым маслицем помазать.

– А я вообще не понял, – встрял Свиныин. – Что этот люксоген в принципе даст?

– А даст он то, что во время взрыва пары люксогена сдетонируют одновременно над большой площадью. Удар будет такой, что ни крошечки льда на поверхности не останется.

– Все равно напоминает рецепты бабушкиной кухни, – проворчал Арбузов.

– Да ладно тебе. Других все равно нет, – закрыл прения ваш покорный слуга.

Что касается самой насущной инженерной задачи дня, то ее решение придумали не спецы из группы Х-движения, а некто Лев Степашин. Уподобляясь своим великим предшественникам – Архимеду и Ньютону, – решил я ее методом озарения.

– Так как же все-таки этот чертов люксоген подать на всю площадь в течение одной минуты? – в который уже раз спросил боцман Романов.

– Э-э... Мнэ-а... А собственно... А собственно, почему бы и не...

Тут-то меня и посетило озарение.

Эврика!

– Отставить «собственно»! – отчеканил я. – Слушать приказ! Соединяем все имеющиеся на борту рукава перекачки топлива в одну длинную кишку. Раскладываем ее змейкой с шагом пять метров по всей площади. Подаем люксоген.

– Это что же, будем торосы поливать, как огуречные грядки? – Боцман пригорюнился. – Так это долго, мамочка!

– Давай дослушаем, – одернул его Щедролосев.

– Вот именно. Раскладываем, значит. Подаем люксоген. И когда он потечет с дальнего конца рукава, все мы дружно открываем огонь из «Нарвалов» по рукаву. Разумеется, сектора обстрела надо распределить насколько возможно равномерно. Чтобы как следует и быстро издырывать всю трубу.

– А не рванет?

– Не должно... А потом Хамадеев, как и планировалось, подает напряжение.

«Было бы сказано – сделать не долго», – иронизирует над такими креативами народная мудрость.

И впрямь провозились сорок пять минут. И это всей ордой!

С «Сэнмурвов» успели раз десять поинтересоваться, что мы себе думаем. У них истекло время нахождения в атмосфере по ресурсу реакторных теплообменников. Что, безусловно, добавляло ситуации пикантности.

Зато когда наконец рвануло, я был счастлив так, как не радовался даже в памятный день победы «Спартака» на кубке Российской Директории.

Расчеты оказались верны – взрыв получился впечатляющий.

И вот уже перед нами заиграла фиолетовыми искрами гладь метанового океана.

Со всех «Сэнмурвов» нас наперебой поздравляли. Оттуда, сверху, наша беготня наверняка выглядела нелепой, почти комичной. И надо же! Принесла такие результаты...

Первым по моей просьбе сел гидрофлуггер с хозяйством взвода тяжелого оружия.

Арбузов и его паства разобрали зенитные установки и прочие полезные штуковины.

Затем приводнился «Сэнмурв» Афонины. К сожалению, наш импровизированный гидродром был не в состоянии принять больше двух бортов. В этой связи план эвакуации выглядел так: садятся два гидрофлуггера, загружаются, взлетают – и на «Суворова». Потом вторая пара, потом третья.

Четвертая забирает нас. Ну а «Гневный» остается тонуть в метановой луже на радость археологам-подводникам XXIX века.

Пока взвод Арбузова занимал огневые позиции, остальные циклопы занимались «Гневным». Выносили на носилках раненых, корабельный архив, таскали чемоданчики с, прямо скажем, личными вещами экипажа, выводили под руки тех, кому гордость не позволяла покинуть фрегат на носилках.

Наконец первый «Сэнмурв», приняв восемнадцать самых тяжелых носилочных раненых и двух сопровождающих, получил добро на взлет.

Я следил за его разбегом, нервно покусывая губу. По моему дилетантскому мнению, полоса была коротковата.

Да, черт возьми, коротковата!

Правый крыльевой поплавок «Сэнмурва» чиркнул о льдину. Брызнула в воздух ледяная крошка, а поплавок с жестяным звуком потерял заметный кусок обшивки.

Не смертельно. Но на грани.

Думать о том, как будет взлетать «Сэнмурв» Афонины, а он был нагружен сильнее, мне совершенно не хотелось. И вот почему: Афонин видел и слышал то же, что и мы.

Вот пусть Афонин об этом и думает. «Круговорот геморроя в природе», – как говорит Свиныин.

Тут же, кстати, Афонин вышел на связь.

– Вот послушай, капитан, что мне сообщил наш истребительный эскорт.

– Ну.

– Обнаружены неопознанные средства воздушно-космического нападения. Идут на нас. – Голос Афонины звучал глухо – я знаю, так бывает, когда он сильно нервничает.

– Меня Трифионов предупреждал. Вот пусть истребители этими неопознанными средствами и займутся.

– Займутся-то они займутся... Но их же всего четыре.

– Четыре?! Четыре?! – Я практически орал, чего обычно себе не позволяю.

– Было восемь, но четверку затребовал «Суворов» для самообороны.

– Песец, – пробормотал я.

Тут, надо отметить, у нас у всех от мандража открылось второе дыхание. Циклопы забежали, как в ускоренной съемке. Никому не хотелось остаться на льду среди догорающих обломков «Сэнмурва» с чужими чемоданами в руках.

Я поторопился во внутренние помещения фрегата.

Поднялся на верхний обзорный мостик, который после затопления основной части фрегата служил капитану третьего ранга Михайлюку главным командным пунктом.

– Что у вас с противокосмической обороной? – спросил я без церемоний, отмечая про себя, что начисто забыл, как его имя-отчество.

– Из огневых средств исправна одна батарея в составе двух лазерно-пушечных установок.

– Негусто. Но сгодится и это.

– А что, ожидается противник? – удивился Михайлюк.

– Ожидается. Сейчас там, возле пушек, кто-то есть?

– Само собой. Согласно уставу корабельной службы, при выходе из строя централизованной системы управления огнем расчеты занимают места в башнях.

– Разумно, – отметил я и потупился.

По сути, говорить нам с Михайлюком сейчас больше было не о чем. Мне, конечно, страсть как интересно было узнать, что за история приключилась с «Гневным» (от Трифонова-то подробностей я так и не дождался!), как он дошел до жизни такой... Но момент не располагал.

Афонин положил конец неловкой паузе.

– Капитан, я... взлетел кое-как!

– Ну так поздравляю! Я всегда говорил, что ты без пяти минут ас.

– Я-то, конечно, ас, – мрачно согласился Афонин. – А вот другие точно на взлете побьются... Поэтому вот что я тебе скажу. Сейчас уже пошла на посадку вторая пара «Сэнмурвов». Нагрузить их надо как можно быстрее. А от тебя, капитан, требуются еще тридцать метров свободной акватории. Это как минимум.

– И где я их тебе возьму, эти тридцать метров?

– Вот тебе идея: с «Гневного» чем-нибудь попробуйте садануть. А я перехожу в режим радиомаскировки и вынужден откланяться. Конец связи.

Идея Афонина была неплохой. В теории.

На практике же оказалось, что «садануть» из «Гневного» по правому борту просто нечем. Таким образом, искомые тридцать метров можно было получить только новыми подрывными работами.

И отправился я искать Хамадеева...

Мы сняли часть циклопов с погрузки и погнали их к началу взлетно-посадочной полосы. Мимо нас пронеслась вторая пара «Сэнмурвов», заходящих на посадку.

Проводив их меланхолическими взглядами, мы с Хамадеевым обменялись мнениями по поводу предстоящего. Хамадеев озвучивал партию оптимиста. Я – хорошо информированного реалиста.

– Да чего тут комплексовать? Взрывать все к едрене фене! – пел Хамадеев.

– А что делать с шугой?

– Да забить на нее болт, на эту шугу, – беспечно отмахивался Хамадеев.

– Нет, хорошо бы приказать нашим, чтобы достали хотя бы самые крупные куски.

– Ну и как ты себе это представляешь? Посадим циклопов на льдины, дадим в руки «Нарвалы» вместо весел? И пусть работают мишками на севере?

Но я не успел ответить Хамадееву с остроумием, которое так украшает всякого командира. Потому что, распотрошив облачное одеяло над нашими головами, с нежданно громким воєм появились они – пять боевых планетолетов инопланетного происхождения.

Это были чоруги.

Но никто не ориентировал нас на встречу с ними. И никому из нас не было в ту секунду дела до того, кому принадлежат эти угрожающие махины.

Расчеты Арбузова, которые успели получить внешнее целеуказание от «Дюрандалей», открыли огонь мгновенно. А вот зенитчики «Гневного» отчего-то запаздывали – кислородное голодание, что ли, на их реакции сказалось?

На планетолетах, в свою очередь, заработали скорострельные плазменные пушки. Под бортом «Гневного» с резкими хлопками начал трескаться ледовый панцирь.

Я рефлекторно сорвал с плеча «Нарвал», перебросил предохранитель в положение «предельный темп» и за секунду опорожнил магазин в брюхо проносящегося над головой планетолета. Разумеется, меня завалило на спину, как зазевавшегося пингвина – импульс пуль в «предельном» режиме был настолько велик, что, не будучи одетым в скафандр класса «Гранит», использовать его вообще не рекомендовалось. В крайнем случае, и я всегда талдычил это новичкам, стрелять в «предельном» можно, но только из положения лежа...

Циклопы от меня не отставали. Но большинству хватило ума вести огонь по всем правилам.

То, что мы сделали, было несусветной глупостью.

Сбить чоругский боевой планетолет из «Нарвалов»... Да это все равно что поймать акулу аквариумным сачком!

Зато хвостовые башни планетолетов, доселе помалкивавшие, вдруг ожили и обрушили на нас свистящие потоки плазмы.

Метан вокруг нас испарялся в таких количествах, что я с трудом различал пламегаситель своего «Нарвала»!

– Арбузов, – заорал я, – как слышишь?

В данном случае вопрос «как слышишь?» был несправедливым. Потому что на нашем канале бесновались помехи. То ли специально наведенные нашими ракообразными братьями по разуму, то ли спровоцированные резким скачком ионизации воздуха – это не редкость, когда массово применяют плазменные пушки.

– Слышу херово... Но говори...

– Ты там, кажется, взялся ракеты экономить... Так вот, об этом забудь! Приказываю отстрелять по максимуму. Следующего шанса не будет.

– Понял.

Вразумляя Арбузова, я успел отбежать шагов на двадцать в сторону. Выбравшись из метанового тумана, я увидел, что Арбузов воспринял мои слова всерьез.

Планетолеты как раз проскочили над «Гневым» (фрегат истекал зловещим изумрудным дымом) и выжили, ложась на обратный курс. К ним потянулись семь... двенадцать... семнадцать самонаводящихся ракет, посланных бойцами Арбузова.

Тут же опомнились и зенитчики «Гневного». Я не видел самих зенитных установок, но несколько ярких вспышек в кормовой части вражеского планетолета свидетельствовали о том, что в него попали.

Я не питаю иллюзий относительно того, как развивались бы события дальше, не подоспей нам на помощь «Дюрандали». И трофейные агрегаты Арбузова, и даже зенитки «Гневного» не смогли бы противопоставить чоругским ястребам требуемую для благополучного исхода огневую мощь.

Поэтому пилотам «Дюрандалей» от меня – низкий осмазовский поклон.

Мы не увидели их за облаками. Но разрывы ракет «Гюрза», выпущенных ими, не заметил бы разве слепой. Вот это был, что называется, правильный калибр!

Один из планетолетов сразу развалился, другой на наших глазах потерял правую пару двигателей и, распушив густой дымный хвост, начал с возрастающим креном падать прямо мне на голову. По крайней мере ощущение было именно такое.

Через несколько мгновений воздух наполнили своеобразные, всем осназовцам знакомые вибрации. И от этого звука мое сердце учащенно забилося, как когда-то на Паркиде.

Еще мгновение – и четверка «Дюрандалей» показала из облаков свои тупые, но такие родные рыла.

Циклопы радостно взвыли.

Словно бы отвечая им, в восемь глоток залаяли подвесные пушки «Ирис».

Очереди бронебойно-зажигательных снарядов буквально распилили пополам третий чоругский планетолет.

Инопланетная машина раскрылась, как лопнувший тропический фрукт, явив миру свои маслянистые, лоснящиеся внутренности. И, кувыркаясь, рухнула на лед где-то у меня за спиной.

Почти сразу же вслед за этим планетолет с развороченной кормой, который прежде намеревался накрыть меня как тапок – зазевавшегося таракана, перепрыгнул через нас с Хамадеевым и закрылся в горизонтальном штопоре.

Штопор быстро перешел в вертикальный. Инопланетная машина, врубившись в лед, пробила в нем аккуратную овальную дыру и исчезла с глаз.

Утонула.

– Раку – рачья смерть, – смачно резюмировал Арбузов.

Вот только тут до меня доперло, что ведь да, действительно, перед нами чоругские боевые планетолеты, а не какие-нибудь еще.

Две уцелевшие инопланетные машины свечой ушли в облака.

«Дюрандали», взрыкнув форсажем, тоже исчезли. Было ясно, что они не намерены позволить чоругам улизнуть.

Также я почему-то сразу проинтуичил, что повторного налета не будет, по крайней мере здесь и сейчас.

– Как ты понял, что это чоруги? – спросил я у Арбузова.

– Да как понял?! Определитель ксенорас внимательно читал. И «Памятку комвзвода осназа». Подумаешь!

– Я бы и не догадался, если бы ты не сказал...

– А я тебе всегда говорил, что нельзя так заикливаться на служебной рутине, кругозор расширять надо, – назидательно произнес Арбузов.

Потом, как сказал классик, считать мы стали раны.

Наша рота потеряла пять человек убитыми. Еще шесть бойцов отделались ранениями. Судьба одного тяжелораненого висела на волоске – все зависело от того, насколько быстро он попадет в операционную «Суворова».

Довольно сильно досталось «Гневному». Но какая теперь разница, если его все равно предстояло бросить!

Меньше всего потерь, как ни странно, понес экипаж фрегата – погиб всего один человек, да и тот провалился в трещину, которая образовалась в первые же секунды атаки. Несчастный отравился – гермокастом был пробит...

Тем временем выяснилось, что кое в чем чоруги даже оказались нам полезны. Один из подбитых планетолетов – тот самый, который раскрылся как тропический фрукт, – упал не где-нибудь, а в начале нашей взлетно-посадочной полосы.

Взорвался он настолько удачно, что нам с Хамадеевым больше незачем было трудиться – полоса удлинилась разом метров на сорок. Да вдобавок весь колотый лед как ветром сдуло. Взлетай не хочу!

– Говорит борт пять-восемь. Машина к взлету готова, – отрапортовал пилот «Сэнмурва» из второй пары.

– Вас чоруги не зацепили? Тщательно проверились?

– Зацепили немного. Но до «Суворова» уж как-нибудь.

– Тогда – с Богом! – выдохнул я.

Всё, что случилось дальше, прошло передо мной как сухие строчки донесения – так у меня бывает всякий раз после боя, как будто кто-то нажимает в моем мозгу кнопку «выкл».

Проводили вторую пару. Приняли третью. Отправили остатки экипажа фрегата и тела погибших.

Последние «Сэнмурвы» – седьмой и восьмой – сели, когда, если верить моим часам, их реакторы уже должны были потечь. Но, как мы знаем, законы физики покоряются законам военного времени.

Когда «Сэнмурвы» со мной и моими циклопами поднялись в воздух, Свинына начала бить нервная дрожь.

– Я не я буду! Вот сейчас! Вот прямо сейчас! Эти чертовы чоругские планетолеты на нас заходят! Они так просто нас не отпустят! Мстить будут! За трех своих! Они мстительные! – бормотал он.

Вначале я хотел вколоть ему успокоительное.

А потом просто сказал: «Слава, не дури!»

Глава 4

Жесткая посадка

18 августа 2622 г.

Город Синандж

Планета Тэрта, система Макран

Что оставалось? Оставалась сущая ерунда.

После того как «Суворов» вполне благополучно вернулся на орбиту Тэрты, наши гидрофлутгеры покинули его гостеприимные стыковочные узлы и вошли в атмосферу.

Ближайшее будущее рисовалось в персиковых и нежно-розовых тонах.

Посадка. Сауна, потом пузырьковая ванна. Пиво «Гвардейское Белое» и двенадцать часов гвардейского же сна.

Потом сутки законного отдыха после операции. Бильярд, тренажерный зал, партия в нарды с интернированным клонским офицером Дохшаном, веселый треп в столовой и какая-нибудь киношка. И не про войнушку, а про любовь...

Эта картина будущего благополучно просуществовала в моем мозгу около пятнадцати минут и по достижении нашим «Сэнмурвом» эшелона восемь тысяч была начисто смыта потоками объективной реальности, данной мне в ощущениях.

Гигантская невидимая кувалда ударила по правой плоскости, все мы от неожиданности заорали. Флутгер резко клюнул носом, в недрах аппарата что-то важное натужно заскрипело, а затем лопнуло.

– Доклад! – выкрикнул я, адресуясь к нашим пилотам.

– Атакованы. Имеем повреждения.

– Кем на хер атакованы?

– С Синанджа говорят – чоругами.

– Какое ваше решение?

– Да какие могут быть решения? – на удивление спокойно ответили мне. – За нас уже все решено. Идем на вынужденную в Пролив.

Синандж город большой, я бы даже сказал – обширный. Южная часть его туши разлеглась вдоль морского побережья континента. А северная – перебралась на длинный, с воздуха похожий на язык остров. Среди прочего, на этом острове находится тот самый космодром, на который мы направлялись. Ну а Пролив – это, ясно дело, то, что отделяет остров от материка. Синий лоскут моря шириной в пару километров. Именно его в свете последних событий наш пилот и собрался проутюжить брюхом.

Не успел я как следует осмыслить эту перспективу, как чудовищная перегрузка вдавила всех нас в кресла.

Наш «Сэнмурв» перешел в отвесное пикирование, и оставалось только молиться, чтобы оно не выродилось в неуправляемый штопор.

– Отрыв от воздушного противника, – прокомментировал пилот. – Потерпите, братцы.

Падали мы едва ли дольше минуты. Но поскольку я каждую секунду ожидал рокового удара о землю, эта минута хорошо запомнилась. Ну это уж как обычно.

Однако пилот наш, Четвериков, оказался настоящим чудесником. Как ни приbedнялись и Четвериков, и все его сослуживцы насчет своих возможностей по пилотированию чужой, плохо освоенной машины, летунами они были все-таки знатными.

Четвериков чисто вывел «Сэнмурв» из пикирования и вскоре выровнял его.

У меня отлегло от сердца. Тело бросило в жар.

Однако все худшее было еще впереди.

– Синандж нас не ведет, – глухо сказал Четвериков. – Нет связи с землей. Вообще. Что там у них творится?

– Да что творится, – отозвался второй пилот, его фамилии я не знал. – Ты вниз-то глянь... – И тут он сорвался на крик: – Нет, ты только посмотри!

В это мгновение нечто – за неимением других терминов я называю это нечто «своей интуицией», а иногда «командирским чутьем» – буквально вырвало меня из кресла и поволокло вперед, к пилотской кабине. Нарушая летные инструкции, я ворвался во владения Четверикова.

На меня никто не обратил внимания. То есть, может, и обратили, но реагировать – не отреагировали.

Да оно и понятно. Впереди показывали такое шоу, с которым появление какого-то Степашина сравниться нисколько не могло.

Над Синанджем шел ливень. И, как мне показалось в первую секунду, бушевала гроза. Однако когда справа по курсу на земле разорвалось нечто столь же увесистое, как снаряд линкора 600-мм, я сразу понял, что свистопляска вспышек не имеет ничего общего с капризами природы.

Поначалу было темновато – в Синандже дело шло к полуночи. Четвериков включил посадочные фары, но пока что их лучи освещали лишь канаты ливневых струй и бурлящую поверхность Пролива.

Как садиться при такой видимости, мне лично было неясно. Хотя я и понимал, что пилот полагается в основном на приборы, а альтиметр у нас вроде был исправен.

Не прошло и минуты, как картина полностью изменилась.

Вот справа от нас вспыхнуло первое рукотворное солнышко. За ним еще одно – сзади. И еще два спереди. Это наши артиллеристы на земле пустили в ход осветительные снаряды.

Пошли подробности.

Спереди на наш флуггер надвигался один из мостов, связывающих материк с островом.

Слева прямо на наших изумленных глазах обрушилось одно из самых пафосных зданий Синанджа – кажется, это было управление Макранского филиала концерна «Кармаил».

Облицованная изумрудной плиткой громадина (ее найдешь на половине открыток с видами Синанджа), похожая не то на молодую бледную поганку, не то на фаллос, сложилась внутрь самой себя.

Рядом с ней мелькнул силуэт многоногого гиганта.

Конечно же, это был чоругский шагающий танк. Но в ту секунду я был совершенно не готов осознать это. И отчего-то решил, что вижу арочный космодромный кран (хотя откуда бы ему там взяться?).

– Всем приготовиться, – сказал Четвериков будничным тоном. – Иду на снижение. Посадка будет жесткой. Поэтому не расслабляйтесь. – И, обращаясь лично ко мне, добавил: – Ты бы, Лева, хоть на пол сел...

Но никакая сила в мире не могла заставить меня оторваться от лобового стекла. Я продолжал стоять, широко расставив ноги и упершись руками в заголовники пилотских кресел.

На нас надвигались опоры второго моста – клоны называли его Мост Пехлеванской Доблести. Или Чести, точно уже не вспомнить...

С моста куда-то вдаль долбили автоматические пушки – снопы трассирующих снарядов празднично расшивали черноту.

Но вдруг некая неведомая сила, которой эти снаряды были как слону дробинки, ответила откуда-то издалека, да так веско ответила, что разом полыхнули призрачной голубизной две ближайšie к нам опоры! Мост, выдержав секунду невесомости, посыпался в воду облыми кусками, каждый длиною с железнодорожный состав...

Время встало.

Было ясно, что если мы в принципе в состоянии разминуться с обломками моста, то это дело ближайших секунд.

А если нет...

– Прими влево, – вдруг выпалил я.

Четвериков отчего-то беспрекословно послушался меня. Хотя по большому счету просто не имел права этого делать.

Наш «Сэнмурв», чиркнув о воду законцовкой крыла, ушел из-под падающей тысячетонной дуры, разминувшись с нею в считанных сантиметрах. А с ее соседкой – в долях секунды.

За кормой плюхнуло так, что наш флуггер буквально вжало пузырящимися водопадами в серую рябь Пролива.

В сущности, это и было началом посадочного пробега.

Вот тут-то я наконец выполнил пожелание Четверикова. Я проворно опустился на пол, обеими руками вцепившись в пилотское кресло.

Гидрофлуггер, лишенный крыльевого поплавка, сразу же начало закручивать.

Четвериков, похоже, тормозил носовыми маневровыми дюзами. По крайней мере за бортом засвистело и забулькало так, будто в воде плавился портативный реактор. Уханье, шипение, машину раскачивает, как на качелях...

Уже потом циклопы рассказывали мне, что до этого момента они были уверены, что все идет более или менее по плану. А вот когда заухало, кое-кто не на шутку перетрухнул...

Я вдруг обнаружил, что на полу пилотской кабины плещется вода.

– Четвериков, полундра!

– Что?

– У тебя вода на борту, – с идиотским смешком сказал я.

– Что?! Ч-черт, действительно!

– Тонем на хрен!

– Надо поскорее причаливать!

– Хорошо бы.

На наше счастье, мы были достаточно близко от материкового берега. На честном слове Четвериков дотянул до приземистого продолговатого сооружения, которое я поначалу принял за причальный пирс базы гидрофлуггеров.

И только выбравшись из «Сэнмурва», мы обнаружили, что это волнорез одного из городских пляжей.

Нарушая все инструкции, я второпях поднял бронемаску шлема, а вслед за ней и прозрачное стекло. Вдохнул полные легкие ночного ливня. Поймал на язык несколько капель.

У них был вкус войны.

Вокруг меня сгрудились мои циклопы. Боевые скафандры делали тему непогоды неактуальной. И все равно – все стояли ссутулившись, нахохлившись, будто бы в спортивных костюмах на пляж вышли, а тут полило.

Вполголоса делились впечатлениями – благо теперь было можно.

Пока подтягивались последние, я лихорадочно соображал, что делать дальше. Тем более что командование, похоже, о нашем существовании начисто забыло, а я на связь выходить пока не пробовал.

Может, назрел момент?

Я достал планшет-наладонник. Нужно было посмотреть на карту Синанджа и определить наконец, где именно мы находимся.

Торопливо просматривая карту, я тем временем бубнил в микрофон. Открытым текстом, без позывных.

– Говорит капитан Степашин... Командир девяносто второй роты осназа... Прошу ответить комендатуру Синанджа... Или другую командную инстанцию... Говорит Степашин Лев... Командир девяносто второй...

Наконец мне отозвались.

Незнакомый молодой голос говорил сбивчиво и, мягко говоря, не по существу.

– Капитан? Капитан, очень хорошо, что вы здесь! Надо прикрыть Институт Аномальной Астрофизики! Там много раненых...

– Кто говорит? – спросил я.

Но он как будто не слышал.

– ...Перекройте подходы со стороны проспекта Героев Акмака! Может, фугасы какие-нибудь заложите! Придумайте что-нибудь!

«Какие, мать твою за ногу, фугасы?»

– Кто это говорит? Здесь Лев Степашин. Нахожусь на восточной оконечности городского пляжа номер два! Это очень далеко от Института Аномальной Астрофизики...

Стоило мне это проговорить, как где-то там, откуда отдавал свои несусветные указания молодой голос, что-то застрекотало, потом вроде как взрыв...

И никакой больше связи.

– Какая информация, отец? – спросил Свинын.

– Информации ноль.

– И что теперь?

За меня ответил пилот Четвериков, который с двумя другими членами своего экипажа тоже выбрался на волнорез, но в отличие от моих циклопов класть хотел на мои переговоры. Да и вообще, кажется, на всё. Пилоты тихо стояли в сторонке и курили, нарочито безразличные ко всему. Что неудивительно – после таких-то нагрузок.

Поэтому когда Четвериков остервенело закричал «бежим!», для всех это стало откровением. Многие уже и забыли, что пилоты здесь, с нами.

От чего мы должны бежать, стало ясно тут же.

Со стороны острова к нам двигался исполинский шагающий танк.

Точнее, направлялся он не совсем к нам. Но от осознания этого легче не делалось.

Медленно вздымая конечности, танк брел, так сказать, по колено в воде, по направлению к клонскому яхт-клубу.

Строго говоря, это зрелище само по себе страха не вызывало – подумаешь, техника, кто ее не видел, да на любом космодроме подобной машинерии целые стада!

Но вот то, как он при этом садил из плазменных пушек!.. По хребту пробежал холодок.

Дух мы перевели лишь в кипарисовой роще, на вершине утеса, откуда расходился петлистый веер канареечно-желтых водных горок.

Я едва дышал. Скакать в боевом скафандре по Тэрте после того, как уже наскочил на нем по Урмии – это, я вам скажу, любого чемпиона восьмиборья с ног свалит.

То есть «Валдай» хороший скафандр, конечно. Но электромышцы у него слабоваты, а главное – питания надолго не хватает, особенно в условиях повышенной тяжести, как на Урмии. По одному комплекту запасных батареек большинство моих циклопов успело уже сменить там, возле «Гневного», а вторые комплекты, увы, утонули вместе с «Сэнмурвом».

– Раздеваемся, мужики, – сказал я. – Из рейдовой экипировки приказываю оставить только ботинки и шлемы.

Без скафандров, в одних лишь черных облегающих трико, все мы были похожи на неизвестных науке человекообразных амфибий.

Четвериков и его экипаж тоже были хороши. Они сняли свои «Граниты» и остались попросту в семейных трусах.

– А вы чего поддевку не надели? Вам же положено что-то...

– Да оно, конечно, положено... Но только жарко, – извиняющимся тоном сказал Четвериков.

– Вот был «Витязь в тигровой шкуре», помните, в школе изучали? – сказал Арбузов. – А вы будете витязи в полосатых труселях!

Циклопы заржали. Пилоты с ними в унисон.

– Мужики, внимание! Обстановка мутная. Никаких указаний сверху получить не удалось. Поэтому я принял решение самостоятельно выходить в район военного городка при гидродроме. Мы сейчас находимся вблизи Приморского шоссе. Соответственно наша задача – выйти на него и двигаться на восток. Бросок будем осуществлять бегом. При встрече с противником разбиваемся на мелкие группы, каждая из которых продвигается самостоятельно. Точка сбора – диспетчерская башня гидродрома.

– А может, к центру города двинемся? – предложил Арбузов. – Там, наверное, жарко...

– Вот именно жарко. Нас, таких нежных, сразу поджарят, – сказал Щедролосев.

– Попахивает трусостью перед лицом противника, – вполголоса заметил Свиньин.

Я понял, что пора вмешаться, обвел циклопов усталым взглядом и сказал:

– Товарищи, у нас сейчас нет никаких, подчеркиваю, никаких средств борьбы с шагающими танками чоругов. Поэтому я, как отвечающий за вас командир, не имею права бросать вас в бой с качественно превосходящим противником. Это будет не бой, а бойня. Я вывожу вас в военный городок именно потому, что надеюсь найти там адекватное оружие и боевые машины. Тогда и о центре поговорим, где жарко... Вопросов нет? Выполняем.

Глава 5

Шагающие танки на Приморском шоссе

18 августа 2622 г.

Город Синандж

Планета Тэрта, система Макран

Военный городок.

Не верилось, что мы покинули его всего лишь пятнадцать часов назад. Больно много всего изменилось...

Начать с того, что почти все стекла в окнах осыпались от ударной волны.

Ограда хранила следы спешного выезда десантно-штурмового батальона по тревоге – в ней зияли проломы шириной аккурат с бронетранспортер «Зубр».

«С пониманием относимся», – подумал я.

Газонов, засаженных нежными петуньями и пахучими чернобривцами, тоже больше не было. Пестрые куртины превратились во взрытую колесами и гусеницами пашню. Местная глина, красно-желтая, с зелеными прожилками, пахла свежо и тревожно.

Но, вопреки худшим моим ожиданиям, нас все-таки встретили. Младший лейтенант в камуфляжном балахоне, поверх которого был надет бронежилет высшего класса защиты, вырос перед нами с автоматом наперевес и рявкнул:

– Стой, кто идет!

– Спокойно, младшой, – сказал я. – Осназ. Свои.

– Вы откуда взялись?

– С Урмии прилетели. На «Сэнмурвах».

– А что на Урмии? Тоже воюем?

– Воюем... Так, младшой, ты мне зубы не заговаривай. Доложи обстановку и все такое.

Моя простая просьба повергла младшего лейтенанта Шарова, хотя эту фамилию я услышал значительно позже, в состояние ступора. Он почесался, переступил с ноги на ногу, даже закурил!

И лишь потом сообщил:

– Ну... как бы вам сказать... раненых много... там... – Он махнул рукой, указывая в глубь городка. – Весь наш батальон воюет... У меня два отделения... Сторожим территорию части... Связи нет...

– Лучше не бывает, – вздохнул я. – Вольно, лейтенант. Можешь идти.

Но Шаров не двинулся с места. Он продолжал ошалело разглядывать моих ребят в трико и четвериковских витязей в полосатых труселях.

– А можно вопрос? – спросил лейтенант, жадно затягиваясь.

– Валяй.

– А почему вы это... не по форме одеты? Вид такой странный...

– Ты, младшой, осназовский скафандр боевой когда-нибудь видел?

– Ну видел.

– Сколько он весит, представляешь?

– Ну... килограммов десять... как-то так...

– А сорок восемь не хочешь?

– Ничего себе... – впечатленно протянул младший лейтенант Шаров.

– Вопросы еще есть?

– Да нет... Если сорок восемь, тогда понятно...

Первым делом я повел циклопов на склад.

Конечно, искушение завернуть в столовую (которая как раз попала на нашем пути) и наконец-то пообедать было велико. Но я мужественно переборол его. И помог перебороть другим.

На складе я приказал всем набрать столько противотанковых средств, сколько возможно унести. Там же мы кое-как оделись. На мне повис мешком чужой комбез, ну да хрен с ним, не до изысков.

Взвод Арбузова и все наши саперы получили от меня приказ выдвинуться за шоссе и подготовить рубеж противотанковой обороны.

Большинство остальных бойцов я распределил по периметру военного городка, строго наказав бить чоругскую шагающую машинерию только по ходильным конечностям. При этом я распорядился вывести из боксов шесть наших штатных бронемашин «Тарпан».

Не то чтобы я собирался послать их в самую гущу боя. Нет. Гуща боя подождет. А вот мобильный резерв нам очень даже нужен.

Сам я, прихватив с собой Щедролосева и двух связистов, направился к диспетчерской башне гидродрома.

По пути мы с ними спорили, будет ли электричество на лифтах. Я говорил, что не будет. Так и оказалось. Иногда я просто ненавижу себя. Какую гадость я ни предположи, все сбывается. Нет бы сбывалось то, что думает добряшка Щедролосев!

Я намеревался попасть на самый верх башни, а это добрые пятьдесят метров.

Не успели мы подняться до середины, как началось.

Со стороны шоссе послышался громкий, ритмичный перестук. Словно железные петухи взялись клевать алюминиевое зерно.

Звук этот был мне внове и ни с чем особенно гнусным не ассоциировался. И напрасно! Ведь шагающие танкетки, которые этот звук издавали, легко могли тягаться по вредности с тяжелыми танками прорыва.

В следующую секунду танкетки открыли огонь из плазменных пушек.

А вот этот звук был мне знаком. Еще как знаком!

Урчащий, хлопающий, потрескивающий. Звук, который могли бы издавать гигантские меха, раздувающие адскую топку.

Мы миновали очередной лестничный пролет. Наблюдательный Щедролосев, мазнув лучом фонарика по серым решетчатым дверям, крикнул:

– Командир! Здесь выход на смотровую!

С секунду поколебавшись, я приказал:

– Туда. Только осторожно.

На ходу снимая с предохранителей противотанковые гранатометы, мы вчетвером прокрались на балкон.

Балкончик жил еще по мирному времени. Там стояли два плетеных кресла, между ними – столик, под которым скучала пустая бутылка из-под лимонада. Пепельница лопалась от окурков. Под столиком хлопала крыльями позавчерашняя клонская газета «Правда Синанджа». На развороте – материал о шалостях детенышей тюленей, которые были замечены невдалеке от городского пляжа.

Все это нам открыла яркая вспышка. Затем по глазам ударило контрастным мраком, и, проморгавшись, я увидел то, ради чего мы на этот балкон вышли.

Чоругские танкетки – а было их больше десятка – с какой-то сюрреалистической легкостью бежали по Приморскому шоссе.

От угловой сторожевой вышки военного городка их отделяло каких-то сто метров. Я впервые видел чоругские танкетки вживе и был поражен тем, как легко и размашисто они двигают четырьмя верхними манипуляторами, а точнее, тем, что эти движения не наносят ника-

кого урона их устойчивости. Это была настоящая ксенотехника – построенная на непривычных нам, землянам, кинетических принципах.

Танкетки, разумеется, не просто бежали и прыгали. Они еще и стреляли. В основном из плазменных пушек.

Их цели с нашего балкончика не просматривались. Но, насколько можно было судить, пока что они вели бой не с моими циклопами. А с кем тогда? Ответа я не знал.

Я не сомневался в профессионализме своих взводных, я был уверен, они дадут танкеткам подойти как можно ближе. Тогда люди Арбузова смогут ударить по ним управляемыми кумулятивными минами и слаженными залпами противотанковых гранатометов. Но какой-то идиот из подчиненных младшего лейтенанта Шарова не дал моим надеждам сбыться...

Сторожевая вышка разродилась длинной, истеричной очередью крупнокалиберного пулемета.

Пули ударили в верхнюю боевую платформу одной из танкеток и свечой ушли на рикошет.

Все танкетки разом замерли, как бы принохиваясь.

Затем их платформы развернулись на вышку.

Дружно зашкварчали плазменные пушки. Воздух разорвало истошным криком заживо поджаренного пулеметчика...

Стыдно признаться, но в тот момент я не испытывал к несчастному ни капли жалости. Только злость – ведь он привлек к нам внимание этих монстров!

– Рота, говорит Степашин, – зашипел я в микрофон рации. – Не открывать огня без моего приказа. Сидите тихо, как ветошь, даже если раки будут вам по загривкам топтаться. Взводные, как поняли?

Пока я выслушивал доклады взводных, танкетки успели подойти к ограде военного городка.

Шесть остались стоять цепью на шоссе. Остальные двинулись на нас – как видно, проводить зачистку.

Гибель пулеметчика научила уму-разуму людей младшего лейтенанта Шарова. По крайней мере геройствовать никто из них не рвался. Повисла гнетущая тишина, нарушаемая разве что хрустом ящиков – танкетки как раз шли через складские задворки.

– Все бьем гранатометами по крайней левой танкетке, – сказал я Щедролосеву и связистам. – Строго по моей команде.

Я потянулся к предохранителю гранатомета и дважды попытался поставить его в боевое положение, пока не сообразил, что уже сделал это, выходя на балкон.

Приладил трубу на плече.

Включил ночной визир.

Прицелился в шарнирный узел, которым боевая платформа танкетки крепилась к опорной.

– Огонь! – выдохнул я в микрофон, нажимая на спусковую гашетку.

Меня услышали. Загрохотал буквально каждый куст.

На шоссе многократно заухало – это срабатывали кумулятивные мины.

Каждая из мин выплевывала четыре боевых ядра – оранжевых огненных шара, способных прожечь тот же «Сэнмурв» от носа до кормы.

Одновременно с этим все, способные держать оружие, разрядили свои одноразовые гранатометы – кто в ходильные конечности, а кто и в брюхо танкеток.

Кажется, кто-то орал что-то духоподъемное, приличествующее случаю. Но разобрать, что именно, в таком содоме было невозможно.

Позволить себе наслаждаться зрелищем мы, к сожалению, не могли.

Представляя возможности инопланетной техники по засечке вражеских огневых позиций, мы опрометью убрались с балкона и покатались по лестничным пролетам вниз.

И правильно. И вовремя.

Ревущая плазма буквально перерезала башню пополам – как раз по балкону.

– Суки! – заорал Щедролосев. – Суки, мать вашу душу!

– Мне за шиворот гребучей окалины насыпало! – пожаловался один из связистов. – Кусается, тварь!

Не давая себе отдышаться, мы добрались до первого этажа. Сбоку от лестницы флуоресцировала свежая, на русском языке надпись: «Подземное укрытие личного состава».

Простору говоря, бункер.

Ах, какое искушение было спуститься туда, растянуться на полу – хотя бы на пять минут, – выпить, что ли, воды...

Но нет.

Как командир своей роты и просто как русский солдат я не имел на это права.

У выхода мы замерли. Сейчас надо быстро-быстро выскочить, перекатом уйти в сторону от башни, отыскать себе новую огневую позицию и продолжать до полного удовлетворения.

Я как раз собрался толкнуть эту мудрую мысль Щедролосеву и связистам, когда заметил – на всех троих лица нет. Щедролосев дышал так тяжело, что, казалось, сейчас просто свалится замертво. Один из связистов был ранен. Второй как-то совсем уж патологически истекал потом. Его лицо было красным, как свекла.

И тут я понял: пришел черед «Второго дыхания» – так мы называли препарат СПОД-4, то бишь стимулятор персональный общего действия четвертого поколения.

Вообще-то я противник всей этой синтетической дури. Считаю ее немногим лучше наркотиков. Для организма она вредна, бойца в конечном итоге расслабляет (зачем рассчитывать на свои силы, если можно уповать на успехи российской химии?), подрывает веру в себя (это кто сделал – я или стимулятор?). За всю службу я разрешал своим пользоваться «Дыханием» лишь дважды. Но тут...

В общем, я посмотрел на них и понял: пора.

– Так, орлы. Достали инъекторы и укололись.

– Ты серьезно? – не поверил Щедролосев, уж он-то мои принципы знал отлично.

– Абсолютно! – бросил я и подал пример товарищам.

Химия действовала быстро. Мозг словно протерли тряпочкой от пыли. В глазах посветлело. Кровь быстрее побежала по жилам.

Я знал, что расплата за стимуляторы будет тяжелой – головная боль, ломота в суставах, бессонница. Но все это потом, часов через десять. А сейчас нам надо быть быстрыми, свежими и нахальными.

– За мной с интервалом три секунды! – скомандовал я.

Рванул дверь на себя.

Выпрыгнул в ночь.

Сразу же упал. Два переката влево. Бросок в сторону. И еще два переката.

Мои инстинкты снайпера, опережая сознание, искали укрытие – какую-нибудь складку местности, хотя бы самую призрачную защиту от всевидящих чоругских сенсоров.

Как назло, вокруг башни как катком проехали.

Я чувствовал себя клоуном на арене. И что самое плохое, у меня был как минимум один зритель.

Плотные клубы дыма сдвинула в сторону властная ладонь ночного бриза, и я обнаружил, что в такт моим броскам мечется единственная уцелевшая конечность израненной танкетки.

Ствол пушки чутко отслеживал мои перемещения. Но пилот танкетки отчего-то медлил.

Не то игры у них, у раков, такие...

Не то шла накачка стрельбового конденсатора...

Полоса сплошного поражения плазменной пушки – не меньше пяти метров. Очередные кульбиты были полной бессмыслицей.

В предсмертной тоске я выпустил весь магазин «Нарвала» в жерло чоругской пушки. И, разумеется, не попал.

Наш брат военный обожает рассказывать о таких моментах – на границе между «я есть» и «меня нет». Мол, вся жизнь пронеслась, влажные глаза любимой, первые шаги малыша, первое построение на плацу и прочее в таком духе.

Ответственно заявляю: у меня такого не бывает. Не отключаюсь я от происходящего. Остается всегда только злость и досада на себя. Как допустил такое? Что не предусмотрел? Что можно было сделать?

Короче, типичная командирская болезнь: всегда искать виноватых и работать над ошибками.

Свежий порыв ветра ударил в спину. Откуда-то сверху донесся протяжный металлический скрежет...

С молниеносной быстротой, совершенно не согласующейся с предшествующим тягучим звуком, на газон передо мной обрушилась и взорвалась всеми стеклами своей обзорной площадки диспетчерская башня, а точнее сказать – ее верхушка.

Именно в этот миг чоругская танкетка наконец выстрелила.

Все мегаватты плазменного удара пришлись на смятые конструкции диспетчерской.

Резкий смрад испаряющегося пластика ударил мне в ноздри.

Под стимуляторами я был настолько шустр, что сам не заметил, как оказался у края упавшего обломка со взведенным гранатометом на плече.

Еще секунда – и наплыв пилотской кабины под опорной платформой танкетки украсился аккуратной дырочкой диаметром в горошину.

Несмотря на полное отсутствие внешнего эффекта, танкетка замерла. Кумулятивная струя проникла внутрь и нанесла пилоту травмы, не совместимые с жизнью.

– А ты злой, отец-командир... – одобрительно пробурчал Щедролосев в наушниках.

– Жизнь такая, – отозвался я.

К сему моменту все танкетки были подбиты. Все, кроме одной.

Эта одна преподнесла нам сюрприз. Пожалуй, ради таких сюрпризов многие и идут в армию.

Когда стало ясно, что рачьа карта бита, последняя танкетка борзо припустила через военный городок в сторону стоянки гидрофлуггеров. Она улепетывала так быстро, что мне, не в первый раз за те сутки, показалось, что все это сон.

Танкетка проскакала через плац для построений, миновала рожицу в окрестностях госпиталя, по-олимпийски сиганула через забор и выскочила на пляж.

– Топиться, что ли, пошла? – предположил Щедролосев.

Вопрос этот имел под собой основания. Действительно, что делать железному монстру возле моря? Любоваться восходом? Тешить сентиментальные чувства? Правильнее было бы бежать в сторону центра города, к своим.

Дальнейшие события расставили все по своим местам.

Танкетка прытко заскочила в море. Захлюпала по мелководью, вздымая фонтаны искристых брызг. Когда воды ей было где-то по колено – резко остановилась. Раздался хлопок – это катапультировался пилот.

«Решил сдаться в родной стихии?» – недоумевал я.

Однако я ошибся. Сдаваться хитрая чоругская сволочь не собиралась.

Не успела капсула для катапультирования с пилотом внутри приводниться на ленточном парашюте, как невеста откуда появившийся манипулятор обрезал стропы, а из днищевых углублений капсулы показались лыжевидные поплавки.

Ударившись о воду, капсула нырнула и вырвалась на поверхность кометой метров через десять от места падения.

Взревел мотор.

Водный мотоцикл чоруга – говорю это за неимением более точного термина – понесся по Проливу в сторону открытого моря. Спасаться.

Разумеется, все это время циклопы садили ему вдогонку из автоматов. Но, судя по всему, пилоту это нисколько не повредило...

Когда чоруг скрылся из виду, начались комментарии.

– Вы видели? Видели, как драпал?!

– Вот это да! Дезертировал, гаденыш!

– Не захотел в плен, скотина. И правильно не захотел, между прочим.

Даже я заулыбался. Цирк с конями!

Временное затишье все использовали по-разному.

Кто-то хлебал воду, кто-то жевал сухпай, кто-то просто разговаривал.

Буквально из-под земли, из бункеров, появились отсиживавшиеся там обитатели и случайные гости военгородка: ходячие раненые, какие-то смелые девицы с банками пива в руках (я так понял – официантки из столовой), гражданские клоны, веселые и болтливые, как чума, группка конкордианских мальчиков-подростков, которые смотрели на нас, а главное, на наши «Нарвалы» с таким восхищением, с каким древние люди, наверное, смотрели бы на оживших богов...

Вся эта банда принялась нас расспрашивать, восхвалять, угощать, заклинять, благословлять и прочее, прочее.

Когда из очередного бункера на свет Божий вышел ансамбль с Большого Муромы «Перегуды» в сценических костюмах (яловые сапоги, атласные портки, расшитые рубахи, на женщинах – сарафаны, бусы, цветастые платочки), я понял, что пора сворачивать вечеринку.

Впрочем, она благополучно свернулась сама собой – не успел я и рта раскрыть.

Подбежавший ко мне радист с несимпатичной фамилией Кек выпалил:

– Появилась связь со вторым гвардейским авиакрылом!

Приняв от него гарнитуру переносной радиостанции РОН-25, я сказал: «Степашин слушает».

– Какой Степашин? – Голос на том конце был мне знаком и принадлежал эскадр-капитану Берднику, командиру авиакрыла.

– Капитан Степашин, комроты девяносто два.

– А-а, Лева, здравствуй. Извини, привык «Лева-Осназ», «Лева-Осназ»... Я тут только что с разведзонда картинку твоего боя получил. Молодцы, дали перцу!

– Служу России, товарищ эскадр-капитан!

– Но пить шампанское рано. К югу от твоего района шагающие танки. Их намерения оценить не можем. Но я бы советовал тебе уходить на запад.

– Рад бы, да не могу. Много носилочных раненых, куча гражданских. Бросить их нельзя. Организовать вывод тоже не получится.

– Тогда смотри по обстоятельствам. Вертолетами и штурмовиками постараюсь прикрыть. Но подлетное время у них – минут двенадцать, не меньше.

– Понял, товарищ эскадр-капитан.

– Конец связи, Лева.

Насколько быстро к нашему участку Приморского шоссе выйдут шагающие танки, оценить было трудно. И неудивительно, что Бердник ошибся в худшую для нас сторону.

Не успел я вернуть гарнитуру Кеку, как меня вызвал Арбузов:

– Лёва, песец крадется нах! Мои передовые наблюдатели доносят о двух шагающих танках. Но, думаю, их там никак не два.

– Понял. Что у тебя с кумулятивными минами?

– Все отстрелял по танкеткам.

– В таком случае – жди. Все силы направляю на доставку тебе новых мин.

– Ты еще Колдуна нам, пожалуйста, доставь. Назрело, – мрачно добавил Арбузов.

– Сделаем.

Я обернулся к гражданским и гаркнул: «По укрытиям!»

Получилось так громко, что я сам испугался. Ребенок на руках у клонской женщины громко заплакал.

– Все по укрытиям! – повторил я потише. – И не высовывайтесь, пока мы сами вас не попросим.

Циклопы тоже насторожились.

– Рота, слушай приказ! Идут шагающие танки! Наша задача – задержать их. Хотя бы минут на десять. Бердник обещал поддержку с воздуха. Сейчас все, кто не ранен, идут на склад, берут кумулятивные мины и доставляют их на позиции Арбузова. Бегом марш!

Сам я побежал вместе со всеми.

Схватил на складе два неподъемных железных чемодана и поплелся к Арбузову. Временами я пробовал переходить на быстрый шаг, даже на бег. Увы, не переходилось...

Поредевший взвод Арбузова занимал позиции в умирительно пригожем квартале, где некогда проживал высший комсостав конкордианского флота.

Белые домики с верандами, живые изгороди и обсаженные фигурно стриженными кустами мозаичные прудики в персидском стиле, пары крылатых быков перед парадными входами – короче, висячие сады Семирамиды, да и только!

На юге этот привилегированный поселок заканчивался капитальной оградой, за ней лежала тихая улица, а дальше – квартал новостроек, устремленных ввысь всеми своими тридцатью этажами. Хромированные поверхности, стеклянные фасады, ну прямо метафора, как из газеты – день вчерашний уступает место дню сегодняшнему, с его эстетикой и всяким прочим функционализмом...

Мы с Арбузовым скоренько набросали план минных постановок.

Получилось восемь противотанковых гнезд по пять—семь мин.

Каждое гнездо занимало верхние этажи двух соседних усадеб.

Так и вышло, что я в компании обычных рядовых и сержантов готовил погибель шагающим танкам.

Мы находились у чердачного окошка одного из домов. Я вскрыл железный чемодан, достал треногу, следящее устройство, пульт управления и собственно мину – пластмассовый цилиндр размером с таз.

Мину я укрепил на треноге таким образом, чтобы ее главная ось была направлена на улицу. Сверху я прицепил следящее устройство. Соединил его разъемами с миной.

Затем прихватил пульт управления и спустился на первый этаж.

То же самое проделали и циклопы.

Как ни странно, мы управились в срок.

Над нашей позицией повисла гнетущая тишина. Впрочем, ненадолго – вскоре послышался мерный, низкий грохот. Это шествовал наш шестиногий противник.

В наушниках я слышал доклад передового наблюдателя:

– Дистанция – триста... Двигутся клином... Головной танк подходит к многоэтажке номер семь... Дистанция двести пятьдесят... Остановился...

Я слушал все это и думал об обещаниях Бердника. Ну где же носит их, эти вертолеты и штурмовики? Вот сейчас врезади бы по супостату бронебойными – и делу конец!

Задержались? Перехвачены чоругскими дископтерами? Вместо обещанных двенадцати минут прошли добрые двадцать! Где справедливость, товарищи?

– Головной танк направляется в проход между многоэтажками шесть и семь... – бесстрастным тоном продолжал наблюдатель. – Остальные сохраняют направление движения...

Теперь головной танк видел и я – разумеется, в ноктовизор.

Его вытянутая боевая гондола, похожая на приплюснутый кабачок, плыла на уровне крыш тридцатизэтажек. Шесть ходильных конечностей довольно заметно расширялись книзу, как будто были облачены в расклепанные брючины. Но, разумеется, «брючины» эти были изготовлены из прочнейших мономолекулярных листов и перочинным ножиком их было не вспороть...

Главный калибр шагающего танка – широкополосную плазменную пушку впечатляющей мощности – я видеть не мог, поскольку пушка эта располагалась в башне кругового вращения наверху боевой гондолы. Но четыре турели, ошетинившиеся рыльцами лазерпушек и придающие абрису танка сходство с усатым жуком, я различал хорошо.

Танк достаточно деликатно для своих исполинских габаритов протиснулся между двумя многоэтажками – одна из которых, кстати, была недостроенной, рядом с ней скучал башенный кран.

Чтобы оказаться в нашем квартале адмиральских домиков, танку хватило каких-то двух шагов.

Теперь его конечности оказались так близко, что ничего, кроме них, я больше не видел. Кстати, почти ничего и не слышал – сотни сочленений танка исторгали немыслимое количество разнородных, действующих на нервы шумов.

В любую секунду экипаж танка мог обнаружить наши противотанковые гнезда.

Мне очень хотелось достать согласованным подрывом мин хотя бы два, а лучше три танка. Но собраты шагающего исполина медлили где-то за линией многоэтажек, и я лихорадочно испытывал свою интуицию в поисках единственно верного решения.

Взрывать мины? Или потянуть еще чуток?

Пока я решался, кое-что произошло. Я поначалу не понял, что именно.

В несколько слаженных аккордов грянули взрывы.

Ноктовизор, конечно, засветило, и он автоматически отключился.

Взрывную волну я почувствовал за долю секунды до того, как она меня накрыла – есть у меня такой скрытый талант, – и рефлекторно убрал голову от окна.

Волной смело стекла, выломало оконные переплеты и, кажется, сорвало крышу.

Тем временем штурмовики Бердника – а это были они – выдали вторую порцию управляемых бомб.

И тут я понял: «Пора».

– Подрываем, мужики! – заорал я в микрофон.

Циклопы не заставили себя ждать. Грянуло так, что, пожалуй, даже штурмовики в небе должны были почувствовать.

А уж каково пришлось чоругам в их танках...

Но несмотря на весь внешний эффект нашего показательного выступления, реальные результаты оказались скромными. Я не видел, что там стряслось с танками, которые удар застал среди многоэтажек, но мой подопечный, потеряв две левые ноги из трех, все же устоял. Со страху чоругские танкисты поливали плазмой и кромсали лазерами все триста шестьдесят градусов вокруг себя. И небезуспешно – недостроенная тридцатизэтажка шустро сложилась. Как детский конструктор.

– Мужики, сосредоточились! Нужно бы третью левую ногу этому гаду отстрелить...

– Мы бы с радостью. Но нечем, – вздохнул Арбузов.

В ногу почти одновременно ударили несколько кумулятивных гранат из ручного оружия. Но эффекта – ноль. Это вам не танкетка, товарищи.

И тут, завывая всеми пятью тысячами лошадиных сил своей комботурбины, на сцене появился новый фигурант.

Это был К-2000, шестнадцатисный самоходный кран, красавец, запущенный в серию на Таганрогском заводе тяжелых машин незадолго до войны. В кино такие шибко любят показывать. Да и в Городе Полковников я на такие насмотрелся – краны К-2000 были мобилизованы для обслуживания и ремонта линкоров. Так и вижу, как его семидесятиметровая лапа легко отрывает от земли и бережно несет к линкору «Белоруссия» новую башню главного калибра...

Так вот этот самый кран-красавец, появившись, видимо, со стороны шоссе, проложил широкую просеку в персиковом садике справа от усадебного поселка и лихо затормозил в полусотне метров от шагающего танка.

Чоругские танкисты были настолько поглощены стрельбой, что отреагировали на появление крана только тогда, когда его стрела начала разворачиваться из походного положения на корму.

От выстрела лазерпушек колеса крана вспыхнули.

Но крану это было нипочем. Стрела, все ускоряясь, неумолимо приближалась к целой опоре шагающего танка.

Когда танкисты поняли, к чему идет, они перенесли огонь на стрелу. Но погасить инерцию ее движения им не удалось.

Дымящаяся стрела врубилась в ногу танка, уверенно переломила ее и даром что сломалась сама – теперь это уже не имело значения, ведь танк падал!

Все мы едва не оглохли, пока все это происходило.

И оглохли во второй раз, когда танк все же потерял равновесие и рухнул на землю, в какой-то сотне метров от нас.

Ударил клубящаяся волна пыли – она оседала на наши лица, на руки, на оружие. Но мы не обращали внимания – столько радости было, все возбужденно кричали.

– Вот это зафигачил!

– Ё! Видали?!

– Горжусь Россией!

– Да при чем тут Россия, Ваня?!

– А мне без разницы, слышишь?!

– Кто же это там в кране? Поспорим, какой-нибудь клон из пехлеванов!

– Да ты что! Пехлеваны – они краны водить не обучены. Только стишки сочиняют и на этих... ну, гитарах ихних, мелодии всякие...

Однако, по совести говоря, ликовать было рановато.

Пусть ближайший к нам танк повержен. Но есть ведь еще и другие!

Два из них после удара штурмовиков стали неходячими. Дымились себе и никому не мешали.

Третий как сквозь землю провалился. Но тут я допускаю, что попросту проморгал, когда и куда он ушел.

А вот еще два, доламывая уцелевшие многоэтажки, устремились в наш квартал имени садов Семирамиды.

Широкополосные плазменные пушки один за другим превращали дома в нечто вроде эскимосских иглу, правда, не изо льда, а из оплавленного бетона. Деревца вспыхивали и тотчас опадали грудями пепла. С шипением испарялись мозаичные бассейны.

Бежать было бесполезно.

Прятаться, впрочем, тоже.

Шах и мат.

Что приказать своей роте, командир Степашин понятия не имел. Читать «Отче наш»? Так это они и без приказа делают.

Последний отсчет.

Тридцать... Двадцать девять... Двадцать восемь...

Когда я дошел до пятнадцати, гондолы обоих шагающих танков разорвало мощными внутренними взрывами. Оставшись, так сказать, без головы, танки успели сделать еще по три шага вперед. После чего их ходильные конечности были перерублены новыми взрывами.

Все произошло настолько быстро, что я даже не успел задаться вопросом «что это?!».

Подбитые чоругские танки, маячившие за руинами многоэтажек, разделили судьбу своих, в прошлом более успешных собратьев.

Взрывы, ураган обломков, бесхозные конечности, сверхновые вспышки... В результате – те же груды металлолома.

Я потерял голову от радости. До такой степени, что начал считать себя бессмертным!

Я выскочил на улицу, нисколько не думая о возможной опасности, и вперился в сторону Приморского шоссе – ведь стреляли, и я чувал это, именно оттуда!

Что же я увидел?

В воздухе парили угловатые коробки, не узнать которые было невозможно.

«Шамширы». Левитирующие танки клонов. Козырная карта конкордианской пропаганды.

Сколько мы шуток про них сочинили! Сколько ёрничали, по-всякому над ними измываясь. «Летают медленно и низко», «конструктор обкурился гашиша», «плохой танк по цене хорошего фрегата»... О-о, да всего не перечислить... И надо же: эти самые «Шамширы» спасли нам жизнь!

Танки величественно проплыли над нашими головами, каждый в своем персональном горячем мареве.

Они по-прежнему вели огонь, но их цели были где-то далеко. На дымящиеся кучи, которые когда-то были шагающими танками, они вообще не обращали внимания. Да оно и понятно: по принятой у нас шкале поражений бронетехники нанесенный чоругам урон равнялся ста процентам.

Наши избавители быстро покинули нас, даже не выслушав слов благодарности.

Я дал приказ собраться возле крана.

Циклопы, кряхтя, выбирались каждый из своего укрытия.

Вот меня часто спрашивают: отчего у вас, у осназовцев, хобби либо вовсе нет, либо все они какие-то... ну не героические, не мужские, что ли. Никогда не слышал, чтобы осназовец водил гоночный болид, занимался фехтованием на рапирах или скалолазанием без страховки. Всем нам плевать на дайвинг, на затяжные прыжки с парашютами и прочий экстрим...

Друзья мои! Какой экстрим после всего того, что мы видим на работе?!

Мы с Арбузовым курили одну мокрую сигарету на двоих, когда из клубов оседающей пыли к нам вышел низенький, перепачканный копотью человек в обгоревшей одежде.

Он махал нам руками и кричал что-то маловразумительное.

– Эта! Сдрасьте!.. Товарищ Лева...

– Клон какой-то? Ты такого помнишь? – вполголоса спросил я у Арбузова.

Арбузов отрицательно замотал головой.

– Эта моя! Моя! Я – в кран! Танк с ногами бух!

Господи! Наконец-то человек подошел ближе, и я узнал Тхакура Кришнасвами. Стажера из Директории Хинду. Смысл его белиберды тоже стал до меня потихоньку доходить.

– Так это ты, что ли, в кране сидел?

– Я! Я! – радостно закивал Тхакур.

– Пстой... Я же тебя не допустил к участию в боевых операциях!

– А я... я добровольсь!

Я нахмурился.

– Послушай, Тхакур... Тебя там не контузило, случайно? Ты же еще вчера нормально по-русски говорил? Гипнопедия, всякое такое...

– Гипнопедия есть недостаток. Когда волнуешься... все забываешь... Утром... опять будет... нормальни руски... – заверил нас Тхакур и просиял своей беспечной детской улыбкой.

Несмотря на все улыбки, Тхакура била дрожь. И похоже, он был ранен.

Двухметровый плечистый Арбузов по-дружески обнял малорослика – как папа сына.

Глава 6

Линкор пропьем, но флот не опозорим!

19 августа 2622 г.

Город Синандж

Планета Тэрта, система Макран

По местному времени наступило девятнадцатое августа. На небе, располосованном черными хвостами пожарищ, мутными пятнами проступили две луны. Восход третьей ожидался с минуты на минуту.

Но те бесконечные сутки, которые начались вызволением экипажа «Гневного», для нас всё не кончались.

Не очень хорошо помню, как мы вернулись на территорию военного городка. Я – офицер, а значит, уставная машина, и могу отдавать распоряжения именно что машинально.

Я вновь приказал пополнить боезапас. Приказал оборудовать позиции в готовности к новому нападению. Распорядился насчет раненых. Вертолеты, кстати, за ними прилетели, хорошо. Еще чего-то приказал...

И обнаружил перед собой черного, как черт, бойца с какими-то подозрительными ведрами. Это же надо было так прокоптиться в бою, что на лице одни белки глаз блестели, в остальном же выглядел он чистым афрорусичем!

В нашей роте афрорусич был один, Пашей звали, но списали его из армии по ранению. Но больше-то вроде нет...

– Стой! Что несешь?

– Это... Товарищ капитан, выполняю распоряжение взводного командира!

– Какое распоряжение? Кто взводный? Фамилия?

– Рядовой Мальгин из взвода Пешина! Отыскал и несу провиант!

– Что за провиант?

– Шашлык... Замочили ко дню рождения... У лейтенанта Пешина.

– Ну и что теперь?

– Не знаю. Мы думали, его чоруги сожгли. Там у нас в казарме почти все сгорело... Но холодильнику повезло.

Шашлык... Ну и память у людей... Тут мы сами на шашлык чоругам чуть было не пошли...

– Понял. Рад за ваш холодильник. Свободен.

Пока я решал, как бы поделикатнее, без матюгов, намекнуть Пешину, что сейчас... ну-уу... не самое лучшее время для шашлыков...

Пока отвечал на какой-то насущный служебный вопрос Арбузову...

Пока искал Пешина...

У меня ожил служебный телефон. Не рация, а именно сотовый. Я уж думал чему-чему, а этому барахлу теперь пришел полный и бесповоротный капут...

– Степашин на линии, – сказал я.

– Иванов беспокоит.

Иванов?! Товарищ Иванов?!

Однако действие стимулятора СПОД-4 постепенно входило во вторую фазу, эмоции выветривались, искренне изумляться я уже не мог.

– Слушаю вас, товарищ Иванов, – безмятежно сказал я.

– Спасибо за «Гневный», капитан. И за оба боя спасибо.

– Всегда рады, – ответил я вместо «Служу России», сам себе поражаясь.

Иванов одобрительно хмыкнул.

– А теперь слушайте, Лев: это очень нехорошо получилось, по моему мнению, что вашей ротой пришлось все дыры затыкать. У нас есть и другой осназ, немало десантников, танкистов... Я понимаю, не вина командиров, что ваша рота попала из огня да в пламя... И все-таки я имел разговор с Бердником и Трифоновым... Как слышите меня?

Я, похоже, даже дышать перестал, не мог понять, к чему Иванов клонит.

– Слышу хорошо, товарищ Иванов.

– Так вот. Имел с ними разговор. И строго приказал: 92-я рота должна до утра отдохнуть. Даже если с неба астрофаги начнут падать, если весь чоругский спецназ свалится нам на голову – людей Степашина поднимать в ружье только в самую последнюю очередь! Пусть, если что, дивизия «Полесье» еще повоюет, а то она сегодня не очень-то меня впечатлила.

«Х-ха!.. Десанту-у-ура», – злорадно подумал я.

– Итого вывод, – заключил Иванов. – Я в приказном порядке настаиваю на том, чтобы все вы как следует отдохнули. Не покидая места дислокации, разумеется. В остальном я вас никак не ограничиваю.

– Понял вас, товарищ Иванов.

– Детоксин у вас остался там?

– Уверенности нет. Не обессудьте.

– Неуверенность в таких вопросах простительна. – Иванов коротко хохотнул. – Я пришлю вам своего вестового с чемоданом детоксина. Ждите. И – всего вам доброго, Лев.

– Всего доброго, товарищ Иванов!

Я медленно отнял трубку от уха. Медленно, как во сне, опустил руку...

Мне казалось, что я стал жертвой наведенной галлюцинации.

Я пересекался с Ивановым несколько раз. Так сказать, «по работе». И до войны, и во время.

Это был тяжелый, жесткий человек, готовый заплатить за решение поставленной задачи любую цену. Ни себя не щадил, ни других. И это, наверное, правильно...

А вот сейчас по телефону со мной как будто говорил не Иванов, а Сахар Медович Мармеладов. Что, правда так хорошо дела у нас идут? Или, наоборот, настолько плохо?

Как бы там ни было, настроение мое радикально улучшилось.

Вот почему я для начала в спешном порядке обежал доступных взводных и слупил с каждого по четвертаку. Затем прибавил от себя полтинник. Поймал старшину Бурова, очень надежного мужика, и наказал:

– Ставлю боевую задачу. Вот деньги. Сто пятьдесят терро. Берешь с собой двух человек. Идешь... Не знаю куда... Хочешь – в город, хочешь – к нашим пилотам. Проявишь в этом вопросе инициативу. Можешь плыть, можешь ехать, если найдешь на чем. Меня не колышет. И мне совершенно не интересно, как, но через полчаса возвращаешься с подарком для лейтенанта Пешина.

На самом деле весело, да? Где и что он в час ночи найдет – в чужом городе, через который только что прокатилась война? А если не в городе, скажем, а на космодроме, какие там сейчас могут быть подарки? Чоруги, тушенные в собственном люксогене?

Чем мне мил Буров? Там, где у любого человека возникли бы сто сорок четыре думушки, всякие пакостные «да, но», Бурову хватает понимания ситуации, чтобы оставить их при себе. Поэтому старшина сказал только:

– Полчаса – критично? Или сорок минут можно?

– Сорок минут – можно. Пожалуйста, Костя, не подведи. Очень на тебя надеюсь.

И только вслед за тем я разыскал Пешина. И сказал ему вовсе не то, что собирался до разговора с Ивановым.

– Стас, с днем рождения тебя! Честно скажу: не знал, подарком не озаботился. Не обесудь... В общем, поздравляю тебя, желаю счастья, твердой руки, успехов в личном и безналичном, больших и ярких звезд! Служи большой, не будь лапшой.

Я пожал лейтенанту руку и, поддавшись внезапному порыву, крепко обнял его, мощно хлопнув по спине.

По-моему, лейтенант был одновременно и тронут, и немного обескуражен отсутствием подарка от роты.

Не ищу себе оправданий, но такие дела у нас – в ведении командира. Но настоящего командира, Плахова, с нами в ту неделю не было, а я со своей должностью «исполняющего обязанности» пока не обвыкся толком... Хорошо у других: там днями рождения и прочими торжествами ведает пресс-офицер при штабе батальона, у него работа такая. Но наша рота была отдельной, никакого батальонного штаба над нами не стояло.

Ну, обескураженность обескураженностью, а пусть скажет спасибо Иванову. Я, честно говоря, собирался Пешину устроить выволочку за его шашлыки. Тут, понимаешь, пожар в борделе во время наводнения, а у него – шашлыки и день рождения.

– Спасибо, товарищ капитан! Ну так что, разрешите тогда созвать всех ребят? Займемся шашлычком вплотную!

«Кушать хочется... Хорошо бы шашлычка!» – подумал я.

– Да нет, Стас, вы же на свой взвод рассчитывали... Празднуйте... Зачем всех ребят...

– Товарищ капитан, обижают! – Стас, похоже, действительно обиделся. – Мы же специально гоняли машину на рынок, баранов потолще выбирали... Там шашлыка – на три роты хватит! Я еще кое-каких знакомых пригласить хотел, из десантников. А их, похоже, не будет, в городе они.

– А я думал, у тебя два ведра всего, – простодушно признался я.

– Какие два?! Двадцать!

– Тогда другое дело. Надо только что-то с боевым охранением решить...

– Предлагаю честно: подменить охранение через час. Кому идти в смену – решим жребием.

– Годится! Ну тогда зажигай звезды, лейтенант!

И звезды зажглись. А с ними – и третья луна.

Пешин подошел к делу основательно.

На пляже пылали четыре костра. Я еще переживал – ну где здесь нормальных дров взять? – но у Пешина все было предусмотрено.

Он, оказывается, третьего дня договорился с одним местным лесничеством и там затаился сухостоем. Потом докупил на всякий случай древесного угля на рынке. Да тут еще чоруги подыграли – в квартале особняков осталось полно переломанных фруктовых деревьев. Они тоже пошли в ход – не пропадать же добру?

Стоило первым языкам пламени ударить ввысь, как наш пикник сразу же оброс непредвиденными вещами (а потом и людьми).

Появились «стулья» и «столы»: ящики из-под мин и патронов, списанные колеса, обломки чоругских танкеток...

Да-да! Как выяснил находчивый Намылин, у них, у танкеток, есть такие круглые метровые щитки на ногах, которые посажены на три штифта. Берем такой кругляш, втыкаем штифты в песок, подпираем края другими обломками – получается отличный стол!

Столы зарастали закусками и бутылками. Где оно только всё пряталось? Ну а если подумать – понятно. У каждого циклопа имелся свой запасец. Хотя часть их беличьих погребков сегодня погибла, уцелевшего хватило с лихвой. И видя широту души Пешина, каждый поспешил извлечь на свет лучшее.

Щедролосев – осетровый балык и крымский «Совиньон». Сластина Водопьянов – две коробки грильяжа в шоколаде и плоскую стальную бутылку коньяка «Походный». Непьющий рядовой Дудка – кусок сала и банку маринованных подосиновиков. Почти не пьющий снайпер Рязжский – бочонок жигулевского пива. И так далее, и тому подобное...

Эта нескончаемая процессия радостно скалящихся циклопов, волокущих к столам еду и выпивку, напомнила мне какую-то киношную сцену... То ли из «Звездопроходцев» – там, где капитан Седых, командир разбившегося звездолета, приказывает команде собрать и снести в кучу содержимое корабельных холодильников, разбросанное по сопкам вымышленной планеты Цайт... То ли из двенадцатого сезона бесконечного «Андреевского стяга» – где Миклухо-Маклай принимает от туземцев Новой Гвинеи всякие бананы-кокосы.

И даже Свиный, о котором шла отчасти заслуженная слава жмота и выжиги, не ударил в грязь лицом. А скорее наоборот: принес «Перцовку», «Зубровку» и целый ящик помидоров.

Помидоры были как нельзя кстати. Что за шашлык без миски крупно нарезанных свежих помидоров?

– Ну ты даешь! – восхитился рядовой Гончарик. – Откуда помидоры-то?

– Родственники передали с одним знакомым мичманом. Мы земели с ним, оба с Краснодарщины.

– То-то я слышал на космодроме, интенданты друг другу жаловались, что все транспорты приходят в перегрузе, кучу дейнекса жгут на посадке.

– Техника, Гончарик, – Свиный назидательно поднял палец, – она создана для службы русскому человеку. Человек не придаток машины, понял?

– Ну и чего?

– А того. Мы с тобой – человеки. Лейтенант Пешин – человек. И в конечном счете любой дейнекс жжется ради меня, тебя, лейтенанта Пешина. В том числе и для того, чтобы у нас на ужин были свежие краснодарские помидоры. К сожалению, слишком часто у нас об этом забывают...

Свиный, когда хотел, мог говорить готовыми абзацами из брошюр серии «Космический гуманист». При этом умудрялся сохранять такую высокопарную серьезность, что даже я начинал сомневаться: он вообще шутит или что?

Вот Гончарик, например, съел:

– А ведь действительно... – смущенно пробормотал он.

Но это всё ладно! Взводные, рядовые, сержанты, мехводы «Тарпанов», саперы, снайперы... вполне ожидаемо. Но, привлеченные светом костров, к нам начали несмело сползаться давешние штатские!

А именно юные официантки, допившие свое пиво и теперь алчущие большого и светлого, как душа осназовца, праздника.

Вслед за ними явились добры молодцы и красны девицы из муромского ансамбля «Перегуды». Эти, в отличие от официанток, понимали, что пустые банки из-под пива – не лучший пропуск на чужой день рождения. Поэтому они подошли к виновнику торжества с правильной песней и самая видная красавица, заодно и солистка ансамбля, презентовала Пешину действительно отличную вещь – булатную саблю.

А тут ведь что? У каждого русского офицера имеется не только парадный служебный меч, но и основательные навыки обращения с клинковым холодным оружием. Нас этому специально учат. Выбатывают концентрацию, ответственность, реакцию, привычку к самому простому, но вполне смертоносному железу. Поэтому меч, сабля, шашка, шпага – всё это для нас отнюдь не экзотические настенные украшения.

Пешин сразу же выхватил саблю из ножен, оценил на вес и балансировку и, отойдя в сторону, выполнил несколько красивых вольтов.

– Я вот только не понимаю, – шепнул мне на ухо лейтенант Хамадеев, – откуда у них лишняя сабля взялась?

Я пожал плечами. Мало ли... Может, она не лишняя? Только многим позже я узнал, что запасливые муромцы, отправляясь на гастроли, получили от своего народного вече полтора десятка клинков на подарки. Как раз для таких случаев.

После официанток и муромцев я ожидал еще явления клонов из ближайших кварталов, которые тоже укрывались в наших бункерах. Но эти как раз разбежались – кто по домам, кто на дымящиеся руины, спасать уцелевшие пожитки. Как говорится, сочувствую, но не завидую.

Дрова перегорали на угли и обещали делать это еще четверть часа. Официантки, желая быть полезными, нанизывали мясо на бесчисленные шампуры – Пешин где-то раздобыл несколько комплектов настоящих, но к ним пришлось добавить еще кучу импровизированных. На импровизацию пошли промытые в спирту шомполы от длинноствольного оружия и отрезки тонких каленых прутков неясного строительно-технического происхождения.

– Друзья! Осназ и присоединившиеся лица! Водка стынет! – зычно объявил Арбузов. – Давайте уже по маленькой, за виновника!

Ровно в эту минуту в прибрежное мелководье ткнулся нос разъездного катера.

– Эй, на берегу! Есть тут капитан Степашин?! – крикнул человек, возникший на носу.

– Есть! – отозвался я.

– Моя фамилия Руднев! У меня для вас передача от товарища Иванова!

– Ну так присоединяйтесь к нам!

Товарища Руднева просить два раза не надо было. Его даже не смутило, что ценой вопроса станут мокрые до колена брюки и полные ботинки воды. Мелькнула мысль, что СПОД-4 сегодня пришлось принимать не одному мне – уж больно много пофигизма даже для офицера ГАБ.

Выбравшись на сухой песок, он протянул мне серебристый кейс.

– Вот, возьмите. Откройте это вместе с именинником.

– Спасибо! Идемте, нальем вам для согрева... Может, переобуетесь?

– Что?.. А, ерунда!

– Сте-па-шин! Сте-па-шин! – заорали от костров глоток в двадцать. – И-ди к нам! Пора пить!

Мы с Рудневым влились в общую круговерть. Кто-то сунул мне в руку рюмку, кто-то из взводных сердечно поздоровался с Рудневым (мир в очередной раз напомнил всем о том, как он тесен).

В общем, до Пешина я дорвался только после первого протокольного тоста.

– Стас, вот тут сам товарищ Иванов чемоданчик прислал. Велел открыть в твоём присутствии. Разрешаешь?

– Спрашиваете!

Я раскрыл чемоданчик. Большая часть объема была заполнена упаковками детоксина – как Иванов и обещал. Я подозвал к себе ближайших циклопов и строго велел организовать раздачу детоксина на руки.

– И не только раздачу, черти, но и прием! Чтобы через час осадили весь алкоголь! И обязательно перед сном – две контрольные таблетки в голову! Слышали?!

Помимо детоксина, на свет божий были извлечены две бутылки недешевого коньяка и комплект из двенадцати хризолоиновых стопок. Такие делают умельцы на рембазах – при капитальной реставрации маршевых дюз всегда образуются излишки хризолоина. Вот они их и пускают на сувениры... Каждая стопка из числа доставшихся Пешину была вдобавок еще и гравирована каким-либо героическим сюжетом. Я опознал «Пленение генерала Хейдари» и «Танки в джунглях Грозного». Отличная вещь, мечта!

Но главное – на дне чемодана нашлись еще записка и коробочка.

В коробочке лежал орден Боевого Знамени. А записку растроганный Пешин сам читать не решился, попросил меня.

Что я с удовольствием и исполнил.

– «Лейтенанту Пешину от коменданта системы Макран ген. – май. ГБ Иванова. Дорогой Станислав Ефремович! К этой награде вы были представлены за смелые и решительные действия по разминированию космодрома Хордад под огнем противника. Честно говоря, награда пришла еще на прошлой неделе, но я специально придержал ее до вашего дня рождения. С которым вас и поздравляю!»

Пешин весь сиял от гордости.

«Силен... Ну до чего же силен! – Я в очередной раз восхитился Ивановым. – Ведь всё понимает человек! Знает, что комроты Плахов в больнице, что нет над нами никакого штаба и некому помнить о таких мелочах, как день рождения какого-то лейтенанта осназа! Здорово придумал!»

Следующие четыре тоста промелькнули, как военное счастье Конкордии.

Обмыли награду, молча выпили за тех, кто не вернулся, выпили за большие звезды Пешина, и снова за Пешина, но на этот раз – за его удачу.

Я украдкой поглядел на часы. Старшину Бурова за подарком Пешину я отправил сорок семь минут назад. Ай-яй-яй, опаздывает... Неужто стряслось чего?

Но не успел я начать волноваться по-настоящему, как Буров все-таки появился. И надо признать – эффектно.

Из влажных складок ночи с грозным рокотом возник ударный вертолет «Пиранья». Он осветил нас посадочными фарами, попятился, нашел на пляже свободное место и присел, подрагивая.

Из бортовой двери на песок спрыгнул Буров. Он поднял руки, принял из двери большой сверток. Затем отбежал в сторону, освобождая место для двух своих сопровождающих.

Вертолет тотчас взмыл в небо и умчался.

Я был заинтригован. Что там у Бурова в свертке? Нечего и говорить об остальных! Ведь почти никто не знал, что я отправлял старшину за подарком. Они вообще не понимали, что происходит.

– Товарищ лейтенант! – обратился Буров к Пешину, подойдя к нему. – От лица капитана Степашина и от всей нашей роты поздравляю вас с днем рождения! И вот... Примите скромный подарок.

А в свертке оказались: ласты, маска, трубка, гидрокостюм и ружье для подводной охоты! И не какие-нибудь местные, клонские. А первосортные, русского производства!

Ерунда по-вашему? А Пешин, между прочим, нас едва ли не каждый день изводил сетованиями на мировую несправедливость. Дескать, рифы тут есть неподалеку сказочные, рыбы невиданные... Рыба-сучок сама в руки плывет! А рыба-мандарин? О, какие подле Синанджа рыбы-мандарины!

И главное, есть такие породы рыб, которые не подпадают под действие местного природоохранного законодательства. Более того, их отлов и отстрел в разумных количествах только приветствуется, потому что они заедают в здешних водах некую эндемическую «ртутную голотуру»... Особенно эта несчастная голотурия страдает от рыбы-трактора (дословный перевод с фарси). А этот водоплавающий трактор – он вкуснейший, если филе пластать толщиной в два пальца и на решетку его, над углями!

И вот он бы, Пешин, уж до трактора дорвался бы! С ружьем для подводной охоты!

Ну и казалось бы, пойдя в местный магазин, купи ты себе этого барахла и наслаждайся во внеслужебное время!

Да вот беда: в голодные месяцы (население Синанджа начало недоедать с самого начала войны, а в апреле—мае так и вовсе плохо стало) все рыбо-промысловые и даже условно к этой

категории относящиеся товары были раскуплены до последней детской маски, до последней блесны. Под нашей оккупацией оно, конечно, стало-то посытнее, но вот только все рейсы конкордианских звездолетов были отменены, вся второстепенная торговля заморозилась и пополнять местные курортные лавки стало уж вовсе нечем.

В общем, нам, простым смертным, всего этого не понять, но Пешин от восторга чуть из штанов не выпрыгнул.

Подскочил ко мне, глаза блестят, в руке – вилка с надкушенным куском балыка, кричит:

– Товарищ капитан! Лёва! Но откуда?! Да что же вы меня так разыграли?! «Подарком не озаботился»! Эх! Товарищ капитан! Да вы мне сейчас целый мир подарили! Спасибо!

«Ого, – думаю, – а водка-то дошла. Кто бы трезвый такие слова вспомнил, „мир подарили“?»

– Ну так сюрприз. – Я широко улыбнулся. – Плавай, Стас, на здоровье. Подстрелишь трактора – позовешь на дегустацию.

И где Буров раздобыл полный комплект для подводной охоты? Понятия не имею. Тогда спросить забыл – первые шашлыки подошли, – а потом уж не до того совсем стало.

Самое веселье начинается, когда съедена первая порция шашлыков, заряжена вторая, руки вытерты о парадный мундир боевого товарища, а все протокольные тосты наконец сказаны.

И начинаются – непротокольные.

– Позвольте мне, друзья, как бывшему старшине военно-космического флота, поднять этот бокал... У всех налито? – Водопьянов (он начинал карьеру контрактником на линкоре «Петр Великий») осмотрелся по сторонам. – За звездолетчиков! Линкор пропьём, но флот не опозорим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.